

Юрий Бурносов Михаил Кликин

КНИГА ДЕМОНА

Михаил Кликин

Книга демона

«Автор»

«Автор»

2008

Кликин М.

Книга демона / М. Кликин — «Автор», «Автор», 2008

Они не знакомы, хоть и занимаются общим делом. Гай – вольный путешественник, он молод и ищет работу. Тильт давно заточен в темнице, где под присмотром загадочных людей переписывает таинственную книгу. Встреча этих двоих предначертана так же, как была предначертана великая война и пришествие в мир людей бессмертного демона Драна. И предначертанное уже исполняется: племена дикарей жгут города, мертвецы встают из могил, древние чудовища пробуждаются ото сна... Судьбы двух писцов пересекутся за миг до того, как рухнет привычный им мир. И встреча их изменит многое.

© Кликин М., 2008

© Автор, 2008

© Автор, 2008

Содержание

Гай. Два тролля и Скабби Стрекотун	5
Тильт. Ночные гости	10
Гай. Визит в Гильдию	12
Тильт. Лесной лагерь	16
Гай. Лори и его Скратч	19
Тильт. Флаг за деревьями	23
Гай. Снова тролли и книга наемника	27
Тильт. Бегство в терновник	32
Гай. Воровское логово	35
Тильт. Опасное соседство	41
Гай. Подземное путешествие	44
Тильт. Дорога в Город-Плаксу	49
Гай. Побег из Дила	54
Тильт. Испытание	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Юрий Бурносов, Михаил Кликин

Книга демона

Гай. Два тролля и Скабби Стрекотун

Троллей было двое, и промышляли они на большой дороге явно не первый день. В темноте тролли вполне могли сойти за двух жирных оборванцев из числа лесной разбойничьей братии, но свет костра то и дело выхватывал из мрака их грязные плоские морды с вывернутыми ноздрями, узкими лобиками и торчащими из пастей клыками. С первого взгляда они были ну сущие близнецы.

На костре жарилась дичь – целый лесной олень, небрежно брошенный на уголья. Тролли даже не потрудились отрубить копыта, а шкура была содрана кое-как. Один из троллей развешил ее на дереве для просушки, замислив, наверное, разнообразить свой нехитрый гардероб. Рядом лежали увесистые сучковатые дубины.

То, что они до сих пор не убили Гая, еще ни о чем не говорило. Добрых троллей, как известно, не бывает. Особенным умом они тоже никогда не отличались, но что-то, видно, замыслили. Поэтому и валялся Гай, связанный по рукам и ногам липкими веревками, в трех шагах от костра, а тролли деловито рылись в его сумке.

– Смотри, Борр: ножик, – сказал один тролль по-авальдски, вынимая завернутый в тряпицу кинжал.

– Вижу, Хनावарт. Хороший ножик.

– Это будет мой ножик, Борр.

– А зачем тебе ножик, Хनावарт?

– Я буду этим ножиком резать.

– А-а! – уважительно протянул Борр. – Ну, тогда да. Бери, Хनावарт, ножик.

Значит, их зовут Борр и Хनावарт, подумал Гай. Борр вроде повыше, а Хनावарт – погрязнее, и клыки у него больше торчат. То, что оба говорили по-авальдски, Гая не смутило: он и раньше слышал, что тролли болтают на всех северных языках, а свой, троллий язык, держат в секрете и даже наедине не всегда на нем разговаривают.

Борр тем временем нашел краюху хлеба и сыр.

– Смотри, Хनावарт: еда.

– Человеческая еда, – важно уточнил Хनावарт, ковыряя гаевым кинжалом под когтями.

– Это будет моя еда, Хनावарт.

– А что ты хочешь с ней сделать, Борр?

– Я ее съем.

– Ого! Я тоже могу съесть человеческую еду! – возразил Хनावарт. – Давай-ка лучше съедем ее вместе.

– Правильно говоришь, Хनावарт, – согласился Борр. – Ножик нельзя разделить, а еду – можно. Вот мы сейчас разделим эту человеческую еду!

Он разломал краюху и сыр пополам. Тролли запихали снедь в пасти и, шумно чавкая, принялись жевать. Проглотив, Борр заметил:

– Вкусная еда.

– Ага, Борр, – закивал Хनावарт. – Больше нет еды?

– Больше нет, – с сожалением сообщил Борр, сунув морду в сумку. – Ничего больше нет.

– А давай посмотрим, что в карманах у человека! – предложил Хनावарт.

– Давай!

Хनावрт, кряхтя, поднялся и подошел к Гаю. За ним поспешил и Борр. Гай прикрыл глаза, прикинувшись, будто он без сознания. От троллей пахло костром, мокрой шерстью и сыромятной кожей. Как от лошади или собаки, попавшей под дождь, почему-то совсем не противно.

– Эй, Борр! – позвал Хनावрт. – Человек-то никак мертвый!

– Как он может быть мертвый, Хनावрт, если мы его даже не стукнули? – озадаченно пробормотал Борр. – Может, он притворяется?

– Сейчас я ткну его моим ножиком, – придумал Хनावрт. – Если он мертвый, он будет лежать, как лежал. А если живой – закричит. И кровь потечет.

– Если мертвый, тоже кровь потечет, – уверенно заявил Борр. – Я видал.

– Зато если мертвый, то не закричит.

– Да, если мертвый – не закричит, – согласился Борр. – Давай, ткни его скорее ножиком, Хनावрт.

– Эй, эй, не надо тыкать в меня ножиком! – завопил Гай, извиваясь всем телом. – Я живой! Я спал!

– Он спал, Борр, – доверительно сказал приятелю тролль. – Человек спал.

– Теперь он проснулся, – согласился Борр. – А зачем мы его разбудили?

– Мы хотели посмотреть, что у него в карманах.

– Ага!

– Да у меня нет карманов, – сказал Гай. – Только сумка и была, а вы ее отняли.

– Говорит, нету у него карманов, – передал Борру Хनावрт. – Смотри, и точно – нету. Одежда у него какая интересная – без карманов!

Одежда была самая обыкновенная: холщовая рубаха, такие же штаны, подвязанные кожаным поясом, простенькие башмаки. Впрочем, троллям она могла казаться и впрямь интересной, благо они никакой одежды, за исключением замызганных набедренных повязок, не имели. Да и на что им, таким косматым?

Разумеется, Гай не стал говорить троллям, что все самое ценное спрятано у него в поясе в специальных клапанах.

Тем более к чему троллям монеты и бумаги?

Правильно: ни к чему.

– Что же с ним делать? – задумался тем временем Борр. – Съесть, что ли?

– Тролли не едят людей, – предостерег его Хनावрт. – Помнишь Хварга, что у Трех Оврагов жил? Съел как-то грибника, едва не помер.

– А зачем съел?

– Говорит, сильно кушать хотел.

– Тогда давай отпустим человека, – предложил Борр.

– Не, отпускать нельзя. Побежит в город, разболтает. Придут дружинники, будут нас ловить.

– Не разболтаю, почтенные тролли! – поспешил заверить Гай.

– Говорит, не разболтает, – развел руками Борр. – Может, не врет?

– Люди всегда врут, – мудро заметил Хनावрт. – Давай я лучше его ткну ножиком, и он станет мертвый. А мертвый ничего не может разболтать.

– Ты точно знаешь, Хनावрт? – с сомнением спросил Борр, ковыряя в носу.

– Ага.

– Почтенные тролли, я ничего не буду никому разбалтывать, – завизжал Гай. – Я сам солдат не люблю! Вы мне ничего плохого не сделали! А дружинники, может, еще сделают!

Это утверждение повергло троллей в долгие размышления. Они пытели, сопели, ковырялись в нозах и ушах, чесали макушки, топтались вокруг Гая, после чего Борр спросил:

– Мы тебе точно ничего плохого не сделали, человек?

– Нет-нет, совсем ничего.

– Но я забрал твой ножик, – сказал Хनावарт, показывая кинжал.

– Пожалуйста, почтенный Хनावарт! Вам он пригодится, а мне вовсе и ни к чему. Сами видите – в сумке лежал.

– А еще мы съели твою еду, – вспомнил Борр.

– И на здоровье, почтенный Борр! Я уже ужинал, а завтракать буду в городе!

– Ну, давай его отпустим, Хनावарт, – решил Борр. – Учтивый человек. Меня никто еще не называл «почтенный Борр».

– А меня – «почтенный Хनावарт».

– Ну, иди, человек, – Борр развязал сложный узел за спиной Гая и собрал веревки. – Только дружинникам ничего не говори!

– Нет-нет, почтенные тролли! Ни в коем случае! – бормотал Гай, пятясь к дороге. – Как вы только подумать могли!

Отойдя шагов на двадцать, он повернулся и побежал, спотыкаясь и цепляясь за колючие кусты. Направление он угадал верно и, выбравшись на дорогу, бежал еще долго, пока свет костерка совсем не скрылся за деревьями. Только тогда Гай перешел на резвый шаг. Отдуваясь, он мысленно поблагодарил Трех Богов за то, что не позволили троллям его сожрать, и прикинул, что если будет идти так же шустро, то окажется в городе еще до рассвета.

Так оно и вышло. Никто по дороге Гая не беспокоил, а за пару гвельдов до города он нагнал небольшой обоз из трех расхлябанных телег – крестьяне из ближней деревни везли брюкву на рынок.

– Здравствуйте, почтенные, – сказал Гай, хватаясь за тележный борт.

– Ты телегу-то, это, не хватай! – предостерег сидевший на передке бородатый крестьянин и погрозил кнутом. – Телега, это, не твоя!

– Да брось, Буффин, – оборвал его второй, развалившийся на самом верху огромной брюквенной кучи. – Видишь, парнишка рад, что на людей наткнулся. Страшно небось в лесу-то.

– Страшно, – признался Гай. Его так и тянуло рассказать крестьянам про пережитое приключение, но, вспомнив о данном троллям обещании, он не решился.

– Мне, может, тоже, это, страшно, – проворчал Буффин, но кнут положил. – Тебе, Скабби, только бы оборванцев по дороге собирать. Выскочил, это, из темноты, и хватает телегу. А ну как он, это, свистнет, да и набегут из лесу головорезы?

– Так ты головорезам и нужен, – хихикнул Скабби. – Брюкву, что ли, твою заберут? Вот будешь назад возвращаться с выручкой, тогда другое дело.

– Тьфу! Чтoб у тебя, это, язык узлом закрутился! – выругался Буффин. Скабби, не обращая на его слова внимания, похлопал ладонью по брюкве:

– Забирайся, парнишка! Ты легкий, лошадь сvezет, а ногам тоже отдых нужен. Только каблуками не подави, загниет.

Гай, благодарно сопя, залез на телегу и уселся на краешке.

– Брюквы хочешь?

– Нет, спасибо...

– А зачем в город-то? – спросил Скабби, отрезав себе желтый сочный ломоть брюквы и громко им захрустев.

Вблизи Гай рассмотрел, что крестьянин не настолько уж и старше его – ну, лет на пять. Белоголовый, короткобородый, в старом чешуйчатом нагруднике поверх заплатанной грубой рубахи. На брюкве подле правой руки Скабби покоился увесистый боевой топор, а дольки он отрезал большим кинжалом.

– Работать, почтенный Скабби.

– Ну, такой прямо и почтенный, – засмеялся Скабби. – Ты это для настоящих почтенных оставь, а я – просто Скабби. Если хочешь, Скабби Стрекотун.

– Потому говорит он, это, много, – вставил мрачный Буффин.

– А я – Гай, – представился Гай. – Писец.

– Писец? – удивился Скабби. – Где ж ты научился?

– Монахи научили. Я три года в Обители Трех Богов жил.

– Хорошее дело, – похвалил Скабби. – В Диле писцы всегда нужны. И по-каковски умеешь?

– По-нашему, само собой, потом по-авальдски, по-двеннски, западное наречие знаю... Изыщным почерком могу, простым, летописным... – перечислял Гай, поудобнее усаживаясь на жесткой брукве.

– Э, да ты мастер, парень! – сказал Скабби уважительно. – Ты, как в город приедем, сразу иди в Гильдию Писцов. Это на Старой Площади, спросишь у людей, тебе покажут. Там тебя спросят, проверят и определят. А без Гильдии можешь на неприятности нарваться...

– Спасибо, почт... Скабби.

– Да ну...

Дальше они ехали молча, и Гай успел задремать под скрип колес, перемалывающих дорожный песок. Очнулся он оттого, что Скабби тряс его за плечо, говоря:

– Приехали! Слышишь? Приехали! Город уже! Дил!

Гай открыл глаза и увидел прямо перед собой уходящую в небесную высь стену, сложенную из обомшелого красного камня. Слева в стене имелись окованные железными полосами ворота, а из бойницы над ними кто-то унылым голосом говорил столпившимся внизу путникам:

– ...И не стану я вам ворот отпирать, и не просите... Вот придет время, и начальник придет, тогда откроем, честь по чести... А сейчас рано, не положено... Мало кто там у ворот топчется... Бумаги небось не у всех есть, знаю я вас...

– Да мы тебе все бумаги покажем, и заплатим чего надо! – кричал кряжистый купец в расшитой золотыми узорами маскаланской куртке. – Что ж нам тут под стенкой сидеть, как собакам худым?! Я – человек уважаемый!

– Вот придет начальник, тогда будем смотреть, какой ты есть уважаемый... – скучно отвечал невидимый стражник, – а пока посидите... Не так и долго осталось... Вон и солнышко уже всходит...

Действительно, солнце уже позолотило древесные вершины подступавшего к городу леса. Купец плюнул и, бормоча себе под нос не то ругательства, не то молитвы, побрел к своей повозке – большой, о шести колесах. Возле повозки стояли охранники купца, негромко переговариваясь и передавая по кругу фляги.

– У тебя бумаги есть? – спросил вполголоса Скабби.

– Есть, а что?

– А то, что если нету, тогда надо деньги платить. Без бумаг тебя вроде как в город пускать не должны, но потому как бумаг много у кого нету, то их выписывают при входе – как бы временно. А стоит это один ульт.

– Да есть у меня бумаги. Из Обители.

– Тогда хорошо.

Гай поудобнее улегся на брукве и собрался было еще подремать, но ворота вдруг душевраздирающе закричали и поползли вверх. За ними обнаружилась толстая металлическая решетка, покрытая острыми шипами. В решетке открылась незаметная дверца, из нее высунулся мордастый стражник в круглом помятом шлеме и заорал:

– В очередь становись, в очередь! Бумаги сразу в руке держите, чтобы не копать! Кто с телегами и скарбом – потом, поклажу отдельно проверять будем, чтобы чего недозволенного не обнаружилось!

Собравшиеся у ворот возроптали, но тут же принялись строиться в очередь. Шустрый Гай проскочил в самое начало и оказался четвертым, между сумрачным паломником в ржавых веригах и деловитым толстым монахом. От монаха пахло вином и ветчиной, от паломника – сырой ржавчиной и дегтярной мазью от блох.

Гай сунул руку в потайной карман на поясе и вытащил рекомендацию из Обители.

Сразу за решеткой под аркой помещался грубо сколоченный стол, за которым сидел начальник охраны ворот. Он брезгливо смотрел на подходивших, так же брезгливо брал их бумаги и не менее брезгливо задавал вопросы. Видно было, что наемный начальник крепко напился и сейчас думал скорее о холодном свежем пиве и острой мясной закуске, нежели о служебных надобностях.

У паломника бумаг не оказалось, и охранник направил его в маленькую комнату для получения таковых. Следующим был Гай.

– Тэк-с... – промямлил начальник охраны, разворачивая бумагу. – Писано в Святой Обители Трех Богов... Отец Абак... Гай... Ты, что ли, Гай?

– Я, почтенный.

– Ишь... – начальник поморгал красными с перепоя глазами и продолжил чтение. – Писец, значит... А лет тебе сколько, писец?

– Четырнадцать, – сказал Гай.

– Мгм... Ну, иди, писец... – начальник вернул ему рекомендацию и обратился к монаху, тут же что-то хлопотливо забормотавшему.

Гай прошел через арку и оказался в городе.

Тильт. Ночные гости

Тильту было пятнадцать лет, когда у него отобрали мир.

Он работал тогда у одного торговца, вел счетные книги, писал договоры и деловые письма. Торговец был неплохим человеком, хорошо платил, любил поговорить о жизни, о вине и о женщинах, с уважением относился к помощнику-грамотею. Иногда, правда, напившись, становился буйным, и мог ни за что, ни про что надавать тумачков, но зато, протрезвев, извинялся, искренне каялся, называя почтенным мастером, и на протяжении нескольких дней платил за работу вдвое больше обычного.

В тот вечер хозяин пришел не один. Три незнакомых человека, пригнувшись, перешагнули порог, остановились у двери, сложив руки на животах, широко расставив ноги. Не были они похожи на обычных клиентов, и Тильт встревожился.

– Собирайся, – сказал хозяин, стараясь не смотреть ему в глаза.

На улице было уже темно, подвывал в печной трубе ветер, от черных окон веяло сквозняком – осень заканчивалась, близилась зима.

– Так поздно ведь, – неуверенно сказал Тильт. – Куда ж собираться-то?

– Дело есть одно... – хозяин глянул на него и сразу отвел взгляд. – Срочное дело...

Тильту случалось работать и ночью. Всякое бывало. Но эти безликие незнакомцы, вставшие в полумраке возле двери, пугали.

И ветер выл, словно специально жуть нагонял.

И шевелились тени на стенах.

– Может, до утра отложим?

– Сейчас надо, – развел руками хозяин. – Собирайся.

– Собирайся, почтенный мастер, – подтвердил один из гостей. Голос его звучал глухо, словно не в человеческой глотке рождался, а в печной трубе.

Тильт посмотрел на говорившего, надеясь разглядеть его лицо, пытаясь увидеть его глаза.

– В три раза больше заплачу, – торопливо пообещал хозяин. – Неотложное дело, срочное. И пустяковое – переписать бы кое-что надо...

Тильт закрыл книгу, нарочито медленно ее отодвинул, вздохнул тяжело:

– Что с собой взять?

– Ничего не надо, – вместо хозяина ответил глухоголосый незнакомец. – У нас все есть. Оденься только потеплей, почтенный мастер.

Тильт не считал себя мастером, хотя, конечно, учителя у него были хорошие, да и ученик из него вышел неплохой. А почтенным он уж точно не был. Не дорос. Тем не менее, такое обращение ему льстило.

И чего он испугался? Люди как люди, пришлые, чужие – ну так что с того?

– Далеко ли идти? – поинтересовался он.

– Идти не придется, – ответил незнакомец. – Довезем...

Одевался Тильт медленно – не хотелось ему на ночь глядя покидать теплый дом, привычное место возле натопленной печи, стул с мягкой подушечкой, с удобной выгнутой спинкой, стол с книгами, с письменными принадлежностями, со свечами в глиняном подсвечнике. Сколько он здесь прожил? Чужой дом незаметно стал родным, отведенный угол превратился в уютный мирок.

А за дверью – стылый осенний вечер.

– Надолго хоть едем-то? – спросил он. И, не дожидаясь ответа, подхватил шапку, нахлобучил ее на макушку, шагнул к порогу.

Незнакомцы посторонились.

Ветер ударил в открывающуюся дверь, вырвал ее из руки Тильта, грохнул о стену, словно разбить хотел, мягко толкнул человека в грудь – не ходи, сиди дома, в тепле, в уюте!

– А может... – Тильт чуть повернулся, краем глаза успел заметить, как гаснут маленькие огоньки на столе, увидел как опасно двинулись безликие незнакомцы, но не успел испугаться – вместе со свечами вмиг погасло и его сознание.

Шапка упала на порог, и ветер забросил ее в темный дом.

Гай. Визит в Гильдию

Деревню Ан-Брант, где родился и долгое время жил Гай, никто не взялся бы назвать большой. Сорок с лишним дворов для Северного Края немало, но в сравнении с самым захудалым портовым поселком или центром графства...

Обитель Трех Богов была и того меньше.

А больше ничего Гай в своей жизни не видел.

Поэтому город потряс его своими размерами. Собственно, города как такового он наблюдать не мог, но ему хватило и одной улицы – широкой, словно тракт, кишашей, несмотря на раннее время, людьми. А дома-то, дома! Дом деревенского старосты Ан-Бранта, почитаемого за богача, казался на их фоне старым сараем для скота.

Ослепленный Гай не замечал ни вонючей сточной канавы, ни разбитой мостовой, ни разномастных подпорок, удерживающих подгнившие стены строений от падения. Не заметил он и здорового парня, который вез на тачке тяжелые бочонки.

– Дран тебя побери! – завопил парень, когда Гай, пятясь, наткнулся на тачку.

– Извините, почтенный, – пробормотал Гай. По счастью, бочки не раскатились, но парень разинул пасть с сильно прореженными зубами и заорал:

– Деревенщина! Вылупил глаза! Пускают вас таких в город!

Вокруг начала собираться толпа зевак, в основном сонные подмастерья и служанки. Гай еще раз извинился и боком протиснулся меж двух горожан. Парень что-то крикнул вслед, но Гай уже не слушал. Он перепрыгнул через канаву, поскользнулся, едва не шлепнувшись в мутную жижу, и помчался по узкому переулку.

Здесь оказалось менеелюдно, и Гай остановился возле приземистого каменного дома с вывеской «Палантин Королевы». Из приоткрытой двери доносился гул людских голосов и ощутимо тянуло жареным мясом. Гай потоптался немного у крыльца, расстегнул клапан на поясе и достал несколько медных монет. В конце концов, пообедал он вчера в середине дня, ужин достался троллям, а сейчас пора завтракать. Неизвестно, как сложится день, а тут еда рядом...

«Палантин Королевы» сильно отличался от таверны старого Малфа в Ан-Бранте и от трапезной Обители. Огромный зал с расставленными там и сям массивными столами, длинные лавки, вкусно потрескивающие масляные светильники, служанки в кружевных передниках... Разумеется, передники были далеко не белоснежными, более того, ими же вытирали столы, но Гаю «Палантин» показался чудом света. Он робко сел на краешек скамьи слева от входа, и тут же к нему подошла служанка, дородная тетка, с ходу вопросившая:

– Деньги есть?

Гай показал медяки. Тетка смягчилась:

– Ну-ну... Что прикажет молодой мастер?

– Что-нибудь поесть. И пива.

– Поесть и пива, – повторила служанка и степенно удалилась. Гай в ожидании катал по темным доскам стола монетку и разглядывал посетителей.

Их было не так уж много: все-таки раннее утро. Несколько стражников, пивших пиво после ночного патруля, пара ремесленников... В противоположном от Гаю углу чинно пообедал желтокожий маскаланский купец в дивной одежде, рядом маялся купцов толмач-проводник, тощий и грустный. Возле специального корытца у стены натужно блевал пожилой горожанин: судя по всему, пришел поправить здоровье после ночного кутежа, да малость не рассчитал. Или еще просто не успел поправить.

– Поесть и пива, – сказала тетка, ставя на стол дощечку с жареным мясом, мисочку с приправой и большую глиняную кружку. Пересчитав поданные Гаю монеты, она высыпала их в карман на переднике и направилась прочь.

– Почтенная! – окликнул ее Гай.

– Ну, что еще? – недовольно обернулась служанка.

– Почтенная, подскажите, пожалуйста, где тут Старая Площадь?

– А как выйдешь от нас, все вверх по переулку, потом через мост перейдешь, а там и площадь, – проворчала она и исчезла на кухне.

Гай принялся за еду. Вообще-то перед едой полагалось вознести хвалу Трем Богам, но святых отцов вокруг вроде бы не наблюдалось, а есть хотелось куда сильнее, нежели читать молитву. К тому же Гай сомневался, что Боги имеют достаточно свободного времени, чтобы выслушивать молитвы каждого встречного-поперечного и запоминать, кто прочел их, а кто – нет. Поэтому Гай сразу вцепился в мясо. Нож остался у троллей, и кусок пришлось рвать руками и обгрызать, что выглядело со стороны не слишком-то привлекательно и аккуратно, но Гаю было не до приличий. Только сейчас он осознал, как проголодался. Макавая мясо в мисочку с острой приправой, он запивал его холодным просыным пивом и чувствовал себя просто замечательно.

Подкрепившись, Гай покинул «Паланкин Королевы» и отправился, как ему велела добрая толстуха, вверх по переулку. Судя по всему, здесь жили мелкие торговцы и ремесленники: над мостовой болтались то деревянный калач, то сапог, то хомут, то скрещенные мечи... На Гая никто не обращал внимания, чему он был несказанно рад.

Неожиданно переулок пересекся с набережной. Над мутной рекой изгибался широкий каменный мост, в воде плавал разный мусор, но рыба тут водилась: несколько человек с нехитрыми снастями сидели на берегу в ожидании улова. Гай некоторое время глазел на них, пока один из рыбаков не выволок на берег страхолюдную лупоглазую рыбу с колючками по всему телу. На тварь противно было смотреть, не то что есть, но рыбаки начали завистливо поздравлять приятеля, из чего Гай сделал вывод, что она съедобна и даже, возможно, высоко ценится. Живя в Обители, он и сам частенько ловил рыбу и раков в лесной речушке, но те рыбы были не в пример проще.

Старую Площадь Гай, перебравшись через мост, нашел легко: название красовалось на доске, прибитой к стене одного из домов. Теперь оставалось найти Гильдию Писцов, но и это оказалось делом простым: на этом же доме помещалось большое перо из золоченой жести, подвешенное на цепочках.

В коридорчике за столом сидел молодой писец, года на два старше Гая, но сытый, довольный и красноречивый, одетый в бархатную куртку с блестящими пуговицами и с маленьким серебряным пером на шее. Гай знал, что это – знак Гильдии Писцов, у Отца Абака в Обители тоже имелся такой.

– Доброе утро, почтенный мастер, – сказал Гай, кланяясь.

– И тебе доброе, – сказал писец. – Что надо, недомерок?

Если Гай и был ниже писца, то не больше чем на голову, и это не давало права величать его недомерком. Тем не менее, здраво рассудив, что ссориться сейчас не с руки, Гай еще раз поклонился и протянул писцу свою рекомендацию.

– Я – писец, почтенный мастер. Я ищу работу, и добрые люди посоветовали мне обратиться в Гильдию.

– А куда ж еще? – фыркнул писец. Развернув бумагу, он быстро прочел ее, шевеля толстыми губами, и пожал плечами:

– Не знаю, верить тебе или нет... Опять же святые отцы врать не будут. Если только ты эту бумагу не украл. Да и работы сейчас почти что не бывает. Своих мастеров полно, так еще и чужие идут, прибудыши... Ладно, поди к мастеру Грилламу, вот по лестнице наверх. Только постучись, а то у вас в пещерах, небось, и дверей-то не делают!

Забрав бумаги и еще раз откланявшись, Гай поднялся по расшатанной деревянной лестнице и постучал в дверь, затейливо украшенную черными и белыми костяными квадратами.

– Войдите, – сказали за дверью.

Мастер Гриллам оказался маленьким горбуном, почти незаметным за грудками свитков и книг на огромном столе. Он что-то быстро писал на листе пергамента.

– Доброе утро, почтенный мастер, – сказал Гай, кашлянув.

– Входи, входи, – кивнул Гриллам, не отрываясь от письма. – Садись вон на стул... Работа нужна? Где учился?

– В Обители Трех Богов.

– У Абака? Хороший мастер... Жив еще?.. Надо же, я думал, помер давно... Всё так же «Заповедь Имма» читит?

– Да, почтенный, – улыбнулся Гай, вспомнив свою учебу.

– И диплому, наверное, его при себе имеешь?

– Есть диплома, – кивнул Гай, подцепляя пояс большим пальцем.

– Ну, не доставай, не надо... – проворчал Гриллам. – Скажи, что знаешь, чему обучен?

– Умею писать по-нашему, почтенный мастер, по-авальдски, по-двеннски, знаю западное наречие... Не очень хорошо, но писать могу. Изящным почерком могу, простым, летописным, с крестами, с узлами, – с гордостью перечислял Гай все премудрости, которым научил его Отец Абак, – возвратным, виньетки умею делать обычные, перевернутые, двеннские, маскаланские...

– Хватит, хватит, – махнул пером Гриллам. – Вижу, знаешь. Возьми вон перо и лист, напиши мне что-нибудь по-двеннски с крестами и виньетками. Одной фразы хватит.

Гай взял со стола отличное перо, окунул его в чернильницу и великолепными фиолетовыми чернилами быстро написал на лежащем листе строфу из Книги Песен Трех Богов. Подождя, пока чернила высохнут, Гай с поклоном вручил лист мастеру.

Гриллам, оторвавшись от своей работы, подслеповато сощурился и расплылся в улыбке:

– Неплохо, очень неплохо... Вижу, умеешь. Зовут как? Сам откуда?

– Гай, из деревни Ан-Брант.

– Где такая?

– Северный Край, почтенный мастер.

– А родители?

– Я сирота, почтенный мастер. Родителей угнали тралланы, я воспитывался в Обители Трех Богов...

– Ясно. Ну, что сказать тебе, Гай из Ан-Бранта? Писец ты хороший, правда, крест не до конца отработан и в виньетке две ошибки сделал...

– Где?! – дернулся Гай.

– Вот и вот, – кривой желтый палец, испачканный чернилами, уперся в лист, и Гай с ужасом обнаружил, что и впрямь сделал две ошибки против правил написания двеннских виньеток. – Но не печалься, ты еще совсем юн, а опыт писца приходит с годами. И уходит, кстати, тоже...

Гриллам помолчал, мелко кивая каким-то собственными мыслям, потом продолжил:

– Работу сейчас найти трудно. Новые летописцы ни герцогу, ни королю не нужны, в судах и монастырях тоже писцов хватает, так что одна тебе дорога – на постоялый двор. Купцы, гости заезжие: всегда потребен грамотный человек, чтобы письмо написать или прочитать что... Посоветовать ничего не могу, сам пройдишь, посмотри, справишься. Не озолотишься, но и голодным не останешься, а там – кто знает... Вдруг приглянешься какому богатому человеку, которому секретарь в пути надобен. Дай-ка твою бумагу из Обители...

Гриллам пожевал узкими сухими губами, взялся за перо, написал вверху рекомендации Отца Абака: «Гильдией Писцов Города Дила подтверждено», изящно расписался. Вернул бумагу Гаю и снова взялся за работу, тем самым показывая, что разговор окончен.

– Спасибо, почтенный мастер, – сказал Гай, поклонился и, покинув комнату, сбежал вниз по лестнице.

Давешний молодой писец был занят делом – ел морковный пирог.

– Ну, что, недомерок? – спросил он, жуя и роняя крошки на стол. – Не прогневил мастера Гриллама? Небось, в шею тебя вытолкал?

– Смотри, – Гай сунул ему в нос рекомендацию. – Понял?.. Толстая рожа на тролля похожа!

Писец едва не подавился пирогом и начал было вставать из-за стола, но Гай уже выскочил на площадь и забежал за угол. Там он присел на корточки и задумался, переводя дух.

Делать нечего, придется последовать совету старого мастера и пойти по постоянным дворам. Обратного пути все равно нет, не в Обитель же возвращаться... В монахи Гай не собирался, а по достижении шестнадцати лет в Обители могли жить только монахи. Ну и ладно, буду писцом на постоялом дворе, решил Гай. Тролли не сожрали, а тут, чай, люди кругом... Подумав так, он ухватил за рукав пробегающего мальчугана со стопкой свежевывстиранного белья и грозно спросил:

– Где здесь постоянный двор?

Мальчуган шмыгнул носом и поведал, что все постоянные дворы в Диле находятся на берегу Салайны. Очевидно, так называлась мусорная река.

– Идите вот по этому проулку, мастер, там дворы и начнутся...

Тильт. Лесной лагерь

Тильт очнулся во мраке.

Кругом были звуки: что-то ритмично пощелкивало, гроыхало, шелестело, поскрипывало. Потом кто-то приглушенно фыркнул, и тотчас рядом раздалось невнятное бормотание.

Тильт не чувствовал своего тела. Только боль горячо пульсировала в затылке.

Он попробовал пошевелиться, и не смог. Попробовал крикнуть – и не сумел.

Он был совершенно беспомощен. Единственное, что он мог – это слушать...

Бормотание стихло.

Потом что-то хлопнуло – так полощется флаг, так хлопает мокрая ткань на ветру. И Тильт понял: он в повозке.

Гроыхают по булыжнику ободы колес, скрипят плохо смазанные втулки, щелкают по мостовому камню подковы, дождь шелестит по просмоленному тенту фургона.

Его куда-то везли. Связанного. С заткнутым ртом. На голове пахнувший старыми отрубями мешок – словно у приговоренного к смерти преступника.

Трепыхнулось и провалилось к животу сердце. Страх сдавил горло, вмиг высушил глотку.

Тильт замычал, захрипел, забился, чувствуя, как с болью оживает занемевшее тело, как нестерпимо горячая кровь возвращается в мышцы.

– Очухался, мастер? – насмешливо сказал кто-то совсем рядом, и Тильт замер.

Сердце мягко и сильно толкалось в грудь.

– Ты зря не трепыхайся, мастер, – прозвучал новый голос, рассудительный и спокойный. – Береги силы-то. Да и не поцарапайся, смотри. Соскрябаешь с себя кожу, потом гнить начнешь. А зачем ты нам гнилой? Не нужны нам такие, таким одна дорога... Сам знаешь, куда.

Чьи-то руки быстро его ощупали, приподняли, перевернули.

– Дорога длинная, мастер, – сказал насмешливый голос. – Привыкай.

Значит, не убьют, понял Тильт. По-крайней мере, не сейчас...

Когда повозка встала, Тильт невольно затаил дыхание. Сколько времени длилось путешествие, он не представлял. Закончилось ли оно сейчас – он не знал. Голова словно просяной кашей была набита, мышцы ныли, горела натертая веревками кожа.

Он застонал негромко, надеясь привлечь к себе внимание, но вместе с тем боясь напоминать о своем присутствии.

Вокруг происходила непонятная возня. Под боком что-то двигалось и шуршало, возле повозки топтались какие-то люди, слышалось невнятное ворчание, где-то в стороне сухо стучал топор.

– Ну-ко, чернильная душа, приподнимись чуть, – его грубо толкнули, и Тильт завозился, ощущая себя ничтожным червем. Из-под него выдернули какой-то твердый предмет – и на время оставили в покое...

Он с необыкновенной ясностью вспомнил, как удил в реке полосатых окуней, выбирая из берестяной коробочки наживку. Пересыпанные землей, чтоб не сохли, там копошились пахучие – для рыбы, конечно, – навозные червяки, и Тильт размышлял: взять вон того, пожирнее, или этого, шустрого? А когда в коробочке оставался всего один червяк, судьба его была совсем уж неизвестна – рыбак мог задержаться для последней попытки, а мог, нанизав пойманную рыбу на ивовый кулан, бросить счастливец в сырость прибрежных кустов...

Тильт лежал и слушал окружившие его звуки. Воображение рисовало картину происходящего, и картина эта постепенно дополнялась деталями: они в лесу, в тени высоких деревьев; с треском разгораются костры, рушится сухостой, лопаются хворост. Лошади хрумкают овес, переступают копытами – земля здесь мягкая, словно войлок. Вот с телеги стаскивают визжа-

щего поросенка, волокут его – и режут. Клокочет вода в большом котле. Сочно чавкая, рассекает мясо топор, хрустят под лезвием кости. Оживают, просыпаются люди. Их всё больше, от них всё больше шума, они вяло бранятся, они обсуждают что-то, они смеются, кашляют, сморкаются. От них пахнет, как от животных, и голоса у них – как у зверей.

– Не спишь, мастер?

Тильт вздрогнул.

– Не спишь... Хорошо...

С него сдернули мешок, попутно выхватив клочок волос. Яркий свет ослепил Тильта, заставил зажмуриться и отвернуть лицо.

– Да не вертись ты, мастер, как вошь на гребешке... Или боишься чего? Не бойся. Прибыли. Отдыхай теперь. Сейчас есть будем. Хочешь есть?

Шершавые пальцы выдернули кляп изо рта, и Тильт закашлялся, зафыркал, отплевываясь.

– Вот и хорошо, вот и славно... Дыши, мастер, дыши... Перхай, тока гляди, душу не выперхай...

Тильт наконец-то смог разглядеть говорящего. Тому на вид было лет тридцать, может, чуть больше. Его лицо было серым от пыли и потому казалось мертвой маской. Его губы – потрескавшиеся и обкусанные – кривились в усмешке, а неровные испорченные зубы делали усмешку особенно неприятной и даже страшной.

– Кто вы? – хрипло спросил Тильт.

– А тебе не все ли одно, почтенный мастер? Сегодня мы вместе, а завтра – уже нет.

– Что вы со мной сделаете?

– Да ничего. Накормим вот сейчас, не звери же, почитай..

– Зачем я вам?

– Да нам-то ты вовсе без надобности. Хоть мы люди и неграмотные, но писарь нам ни к чему. Мы всё как-то без бумаг привыкли обходиться.

– Но тогда почему...

– Да ладно тебе, мастер, вопросы вопрошать! Как дите малое. У меня голова пухнуть начинает!

Человек подергал веревки, связывающие пленника, и отошел.

Полог крытой повозки был откинут, и Тильт убедился, что воображение его не обмануло. Были здесь и лес, и костры, и котел с бурлящим варевом, и многочисленные люди, одетые, как разбойники.

А они и есть разбойники, понял Тильт, и лоб его покрыла испарина. Самые что ни на есть настоящие разбойники. Бандиты, воры, грабители. Целая банда, с удобством расположившаяся в лесу.

Меж деревьев белели конусы шатров, на их золоченых шпилях трепыхались синие вымпелы. Возле крытых дёрном и лапником шалашей лежали копыя и рогатины. В огромной плахе, бурой от крови, торчал здоровенный топор – его отполированная рукоять была высотой с Тильта. Рядом скользкой грудой свились серые кишки – наверное, пороссячи. Хорошо, если пороссячи! Разное про лесной люд рассказывают, хотя с другой стороны, коли поросенка резали, человечину небось есть им не к чему, другое дело – зимой... Тильт поежился. Нет, не надо про такое думать, лучше не надо...

Под широким навесом топтались лошади, помахивали хвостами, фыркали, косясь на проходящих мимо людей. Видно было, что лагерь стоит здесь не один месяц: вся трава помята, дорожки вытоптаны, конского навоза много, помойная яма переполнена, вон как смердит.

– Ну что, угомонился? – знакомый разбойник вынырнул сбоку, заглянул в повозку, внимательно осмотрел Тильта. – На вот, пожуй покамест. – Он кинул на солому краюху хлеба,

деревянную миску, ложку, кусок сыра и два побитых, помятых яблока. – Только уж извини, развязывать я тебя не буду. – Он ухмыльнулся ядовито и снова исчез.

Тилт какое-то время разглядывал хлеб, вдыхал его свежий ячменный аромат и глотал слюну, а потом изогнулся, словно какая-нибудь гусеница, застонал, и попытался дотянуться ртом до лежащей рядом еды.

Гай. Лори и его Скратч

Перво-наперво Гай купил в лавке набор перьев, чернила в бутылочке и несколько листов бумаги. Чернила были жидкие, явно разбавленные, а бумага жесткая и плохо выделанная, но на другое у Гая денег пока не имелось. На последние монеты он приобрел у оружейника простенький нож взамен отобранного троллями. Поскольку нож был с браком – выщербленный – и хороший покупатель все равно его не взял бы, оружейник продал его Гаю за бесценок.

На будущее Гай положил себе купить еще и серебряное перо – знак гильдии, но стоило оно дорого и на такую покупку предстояло еще заработать.

После приобретения столь важных вещей Гай пошел искать работу.

Из первого постоянного двора, который назывался «У Грифона», Гая прогнал конкурент – обитавший там тощий писец со злым и несчастным лицом. Во втором – «Жарком Очаге» – писцов имелось целых три, благо двор был большой и богатый, но еще в одном писаке нужды не имелось, что и разъяснил Гаю довольно учтивый вышибала. В третьем останавливались только лиадские и маскаланские торговцы, а ни маскаланского, ни лиадского Гай все равно не разумел.

Четвертый постоянный двор с незамысловатым названием «Стол и Постель» и столь же незамысловатой вывеской выглядел запущенным и бедным, и Гай почему-то решил, что тут писца уж точно нет. Мрачный одноглазый владелец двора на вопрос Гая пожал плечами и бросил:

– Сиди, мне жалко, что ли... Но бесплатно жрать не дам. И место освобождай, если остальные все займут.

Гай поместился в уголке, разложил бумагу, перья, откупорил бутылочку с чернилами и стал ждать, здраво рассудив, что вряд ли к нему сразу бросятся клиенты.

Время шло.

Постояльцев в «Столе и Постели» оказалось не густо, да и те, что были, выглядели неважно. Купцы из тех, что победней и понеудачливей, подозрительные люди, смахивавшие скорее на лесовиков, вообще невесть кто... Гай мог побожиться, что он видел даже одного гнома, хотя гномов в Дил, как и в другие крупные города, не пускали. Впрочем, это мог быть и заезжий коренастый бородатый ремесленник. Но уж больно похож на гнома...

Никто к Гаю не обращался, ни прочитать, ни написать ничего не просил.

В полдень он купил у хозяина кружку горячего маскаланского розового чая и несколько сухарей на закатившуюся в угол потайного клапана монетку. Когда Гай догрызал последний сухарь, к нему подошел толстый купец, весь провонявший рыбой.

– Ты, что ли, грамотей? – неприязненно спросил он.

– Я, почтенный, – едва не подавившись сухарем, сказал Гай.

– Ну-ка, грамотей, прочитай, что тут накарябано, – купец порылся за пазухой и достал мятый клочок пергамента. Гай расправил письмо. Написано было по-авальдски с большим количеством ошибок и ужасным почерком, но разобрать писанину, в общем-то, было можно.

– Жена ваша Лилана, почтенный, передает вам, что старая черная свинья издохла, двое рабов сбежали, а третьего – пастуха Титтли – поймали и примерно выпороли. Приезжал брат ваш Скофф, обещался осенью опять заглянуть. А в остальном все дома нормально, только слышно, тралланы опять шалят, все дальше от берега заходят. С чем и кланяется вам и желает скорейшего возвращения.

Некоторые фрагменты письма Гай переводить не стал, например, несколько строк, где жена купца бранила беглых рабов. Многих слов из этого списка Гай просто не знал. Тем не менее, купец остался доволен.

– Поди ж ты, тралланы что делают, – буркнул он, бросая на стол серебряный авальдский шестигранник и бережно складывая письмо. – А Титтли, свиной сын, уже четвертый раз бежит, и все ловят. Ну, я шкуру ему попорчу, вот вернусь только.

Продолжая ворчать, купец удалился, а Гай поспешно спрятал монету в пояс. Первый заработок в качестве грамотного человека оказался более чем приличным – можно рассчитывать на ужин.

После обеда, то есть чая с сухарями, к Гаю обратились еще двое клиентов – один просил прочесть новые рыночные правила, а другой – написать маленькую записку для торгового компаньона в Беллбрет. Обогадившись еще на две монеты – видимо, такса за услуги грамотея здесь была стандартной – Гай начал подумывать о том, не начать ли с хозяином переговоры относительно ночлега.

Зал постепенно заполнялся народом. К сумеркам даже за столик Гая уселись двое волосатых лодочников из Южных Фьордов и стали молча накачиваться пивом. Одноглазый хозяин и его подручные, трое парнишек вороватого вида, едва успевали разносить снедь и выпивку.

В правом от Гая углу неожиданно завязалась драка. Высокий человек с внешностью наемника, весь в переплетении кожаных ремней, украшенных стальными бляхами, набросился на своего соседа по столу – плотного коренастого ремесленника. На поясе наемника болтался короткий меч, но он его не вынимал, обходясь кулаками. Через мгновение ремесленник уже валялся под столом, но двое его приятелей, таких же коренастых, угрожающе крутили над головой короткими дубинками с окованными железом верхушками.

Посетители прекратили есть и пить, кое-кто взобрался на стол, чтобы лучше видеть потасовку. Раздались подбадривающие драчунов крики.

Наемник подпрыгнул и ухватился за потолочную балку. Когда приятели побитого ремесленника подоспели, он уже сидел верхом на ней и насмешливо выкрикивал какие-то оскорбления на незнакомом Гаю гортанном языке. Нападавшие попробовали достать его дубинками, неуклюже подпрыгивая, на что зал разразился обидным хохотом.

– Эй, слезай оттуда! – заорал одноглазый хозяин. – Дерись давай!

– Спрыгивай! – начали кричать и другие. – Или ты испугался?

Человек в ремнях пожал плечами и неожиданно спрыгнул, попутно выбив у одного из толстяков дубинку. Второй бросился было к нему, но наемник ударил его ногой в грудь, отчего тот полетел в угол, сшибая скамьи. Сидевшие вместе с Гаем лодочники восторженно загрохотали кружками по столу.

– Представление закончено, – громко сказал наемник и направился к стойке. – Налей этим трем дурням пива за мой счет, – бросил он хозяину. – И пусть научатся драться, прежде чем нападать на воина.

Одноглазый послушно налил три кружки и велел отнести пострадавшим. Тех уже подняли с пола, отряхнули и усадили за стол. Ремесленники, кажется, нисколько не обиделись, они обсуждали драку и со смехом спорили, кому из них досталось больше других.

– Здорово он их, – восторженно сказал кто-то за плечом у Гая. Он обернулся и увидел парня своих лет с хитрыми зелеными глазами, облаченного в несусветное тряпье.

– Здравствуй, почтенный мастер, – наклонил голову парень. – Ты – новый писец?

– Вроде как, – осторожно ответил Гай, которого никогда еще не называли «почтенным мастером». – А куда старый делся?

– Да голову проломили в драке, – махнул рукой оборванец. – Тут это сплошь и рядом. Вон, сам видел. Это еще хорошо все кончилось – без крови и смертоубийств, все радуются и пиво хлещут. А иной раз головы отрубленные валяются, все кругом в кишках, в мозгах – жуть! Стражу вызывают, рубиться начнут... Магистрат несколько раз Одвину указывал безобразие прекратить, даже прикрыть постоянный двор грозился, да он там улестил кого нужно, и все по-прежнему... Опять же запрети тут – на дворе будут биться, чем им еще заниматься...

– А ты сам-то кто? – осведомился Гай солидно.

– Я-то? Я – Лори, за лошадами присматриваю. Забежал драку посмотреть, вообще-то мне тут нельзя вертеться... Одноглазый-то Одвин – отчим мой, вот оно как.

– А что ж он тебя на конюшне держит?

– А потому что не любит. Я и живу на конюшне. Ты, кстати, где ночевать будешь?

– Да здесь и буду. Койка небось найдется...

– Ну и дурак, почтенный мастер, – засмеялся Лори. – Одвин с тебя втридорога сдерет, думаешь, он не понимает, что ты только-только в городе? Приходи лучше ко мне. Ты не думай, что конюшня, у меня хорошо, уютно. Только еды купи.

– К тебе?.. – Лори Гаю почему-то сразу понравился, но перспектива ночевать в конюшне как-то не прельщала. В то же время особенным богатеем он тоже пока не стал, а ночевать приходилось и в местах худших, конюшня все же не свинарник... – Ну ладно! А куда приходиться-то?

– Да за самым домом, сразу увидишь. Только смотри, чтобы Одвин не выследил – и тебя прогонит, и меня выдерет. Он такой.

С этими словами Лори исчез.

Тем временем побитые толстяки всю хлестали пиво, по-прежнему пересказывая свои впечатления от драки, а наемник куда-то пропал – видимо, поднялся наверх к себе в комнату.

Гай просидел в зале до самой темноты, пока посетители не разбрелись кто куда. Несколько упившихся остались валяться под столами, и подручные Одвина с шутками и прибаутками выволокли их на улицу, мимоходом успев обшарить карманы. Сам одноглазый хозяин подошел к Гаю и вкрадчиво спросил:

– Ну, как, писец? Заработал немного, а?

– Да, почтенный, немного заработал, – согласился Гай.

– И где ты собираешься заночевать, писец?

– В «Грифоне», – ответил первое, что взбрело на ум, Гай.

– И напрасно. Дорого, кормят невкусно, опять же шляются разные...

Если уж где и «шлялись разные», то это в «Столе и Постели», подумал Гай, но говорить этого, конечно же, не стал.

– Я уже договорился с тамошним хозяином, почтенный, мне нужно кое-что написать для него, – соврал Гай. Одвин развел руками:

– Что ж, иди. Только не забудь заплатить мне одну треть дневного заработка, иначе завтра опять придешь, а я вышвырну тебя отсюда. Таков порядок, писец.

Гай вздохнул и отдал Одвину один серебряный шестигранник.

– Так-то лучше, – заметил тот, пряча монету в большой кошель. – Меня звать Одвин, писец, и мы с тобой можем сработаться, если ты не станешь меня обманывать. Ну, хороших тебе снов!

Еду у Одвина Гай не стал покупать из принципа. Он не поленился сходить в маленькую лавку, где приобрел у дряхлого торговца, уже надевшего ночной колпак, немного сыру, холодного сала, вареного с чесноком, и хлеба. Ходить по ночному переулку оказалось страшно: редкие масляные фонари светили тускло-претускло, и Гаю казалось, что в подворотнях кто-то прячется. На будущее он решил как можно реже бродить по городу в ночное время, ибо место опасное и незнакомое.

Конюшня и впрямь оказалась сразу за «Столом и Постелью». Гай осторожно прокрался к приоткрытым воротам, с тревогой думая, что будет, если его увидит Одвин или жулики-подручные. По счастью, никто так и не попался на пути, и Гай проскользнул внутрь.

В конюшне пахло тем, чем обычно и пахнет в конюшнях: лошадами, зерном, сеном и навозом. Кони всхрапывали в темноте, почуяв незнакомца.

– Лори! – тихонько позвал Гай, озираясь.

– Это ты, почтенный писец? – спросили из мрака. – Сейчас, погоди.

Совсем рядом вспыхнул огонек, и появился Лори со свечой в руке.

– Пришел-таки? Правильно, – одобрил он. – И поесть, никак, принес?! Совсем хорошо. А я на кухне кувшин опивок уволок, так что будет у нас с тобой суший пир. Пойдем за мной... Звать-то тебя как, писец?

– Гай, – ответил Гай, входя в каморку Лори. Там и впрямь было уютно: маленький конюший вырыл ее прямо в сене, а внутри устроил удобное лежбище из тряпок и опять же сена. На полу вертелся бандитского вида рыжеполосатый кот.

– Только свечку не урони, – предостерег Лори. – А то пожар устроишь... Кот – мой, его Скратч зовут. Хороший кот, только говорить не умеет.

– А что, другие умеют? – удивился Гай.

– Есть места, где умеют. Рассказывали мне... – таинственно ответил Лори, поглаживая кота по спинке.

Они разделили сыр, сало и хлеб, не обделив и кота. Лори достал спрятанный в сене кувшин, налил немного коту в блюдечко. Жуя и отхлебывая из кувшина по очереди, они сидели некоторое время молча. Тишину нарушил Гай:

– Слушай, Лори, Одвин у меня забрал треть дневного заработка. Сказал, порядок такой. Это правда?

– А кто его знает... – пожал плечами Лори. – Может, и так. Должен же что-то хозяин иметь от писца, он ведь в его заведении сидит... Узнай в Гильдии, там подскажут. А теперь додай и давай-ка спать, почтенный писец. Мне завтра вставать рано.

Они улеглись на мягкое сено и накрылись какими-то грубыми, но теплыми полотнищами, от которых пахло конским потом. Лори задул свечу, и Гай начал потихоньку засыпать, но тут конюший толкнул его в бок локтем и спросил:

– А твои родители где? Тоже умерли?

– Нет. Тралланы угнали.

– Тралланы? Ни разу не видел траллана. А ты видел?

– Видел. Только я маленький был, в овине спрятался, они меня и не нашли. Страшные, все в железе, с топорами... Говорят, шубы из человеческих волос валяют.

– И шубы видел?

– Да это летом было. Шубы они, наверно, зимой носят, когда холодно. Но все равно страшные.

– Так они люди? Или нелюди?

– Кто ж их знает... – Гай вздохнул. Перед глазами замелькали оскаленные зубы, торчащие грязные засаленные бороды, в ушах заскрежетало железо... – Вроде как люди, а присмотришься – уже не совсем... Не знаю.

– Стало быть, угнали родителей твоих... – Лори помолчал. – А ты как же?

– А меня монахи к себе забрали, из Обители Трех Богов. Они после тралланского налета пришли мертвых отпевать, ну и нашли меня. Я у них, почитай, восемь лет жил. Они меня грамоте научили, письму...

– Что ж сам в монахах не остался?

– А необязательно. У них это по желанию, кто хочет – сам придет, они и не зовут никого. Хорошие люди эти монахи.

– Не знаю, не знаю... – посопев, пробормотал Лори. – У нас все больше жирные да жадные. Ну, ладно, все, спать давай. Поздно уже.

Тильт. Флаг за деревьями

Похлебку принесли, когда весь хлеб был съеден.

– А-а! – обрадовался чему-то знакомый разбойник. – Голод – он кого угодно скрючит. Да только ты, мастер, наверное, настоящего-то голода еще не знаешь.

С этими словами он разрезал веревки, связывающие Тильта, и сильно его пихнул – кажется, таким образом он помогал пленнику подняться.

– Ешь, мастер, ешь...

И мастер, позвизгивая и покряхтев, стал есть. Похлебка оказалась незатейливой: мясной навар (ни одного куска мяса пленнику не досталось), картофелины, какие-то разваренные овощи... Повар, судя по всему, особенно себя не утруждал – в бульоне попадалась паленая щетина, но все равно это была еда, жидкая и горячая... Ложка в ослабевшей руке Тильта дрожала, стучала по зубам, по краям миски. Разбойник с удовольствием смотрел на пленника, губы его шевелились, будто проговаривая неслышимые слова.

«Вот и хорошо, вот и славно...»

К повозке подошли еще два человека: один – огненно-рыжий, конопатый, другой – с корявым пористым лицом, похожим на подгорелый каравай.

– Ну что, Ферб, вести остальных? – спросил корявый, почесывая бедро жутковатого вида палицей.

– А поели они?

– Да.

– Всё готово?

– Давно уже, – недовольно отозвался рыжий. – Только тебя ждали, с четвертым.

Тильт понял, что четвертый – это он, и отложил ложку, зачерпнув напоследок с самого дна.

На него не смотрели. И он вдруг подумал, что сейчас очень удачный момент для бегства: рвануть полог с другой стороны фургона, перекатиться, упасть – и – стремглав, вслепую, на авось – в лес. Он – быстроногий мальчишка. Они – неповоротливые мужики. Ну-ка – догоните...

Тильт приподнялся, напряжился, глянул остро на отвлекшихся разбойников.

– Барон опять к нам подбирается, – озабоченно сказал рыжий. – Да и мужички местные ропщут. Пора менять место, слишком уж мы здесь задержались.

– Ишь, слово-то вспомнул: «ропщут»... – усмехнулся Ферб. – Скоро перестанут. Сдадим писак – и тут же двинемся. Осталось подождать два-три дня. А касательно барона не бойся. Сам знаешь, у нас ловушки по всему лесу понапиханы. И посты всюду. Тихо он не пройдет... А громко пойдет – так тут мы покамест хозяева, не он, как ни крути. Да и дружина его только кабанов горазда по балкам загонять, а мы небось не кабаны, а?

Тильт, разом обмякнув, опустился на солому. На глаза навернулись слезы. Он дернул головой, вытянулся, будто кролик, получивший удар по затылку, – и зацепился ступней за веревку. Ему вдруг ярко представилось, что ногу его оплела струна самострела, спрятанная в траве. Он даже услышал тихий щелчок и посвист короткой стрелы, сорвавшейся с арбалетного ложа...

– Кабанов, говоришь... Как бы там ни было, а вот Бондарь исчез, – негромко сказал корявый. – Говорят, к барону в руки попал. Может, и врут. А ну если правда?

– Барон умеет людей разговорить, – заметил рыжий.

– А Бондарь много чего выболтать может. Особенно, если его за ногти как следует потянуть, да пятки раскаленным железом принежить.

Разбойники покосились на притихшего пленника и отошли. Их голоса сделались невнятными, и лишь отдельные слова доносились до ушей Тильта.

– Поспешим... Денег хватит... Прячутся... Да, приходил... Тралланский корабль... Ждут...

Громко щебетали лесные птицы, готовясь к отлету в теплые края, и этот веселый щебет казался Тильту злой насмешкой.

Товарищей по несчастью Тильт увидел издалека: их долго выволакивали из малоприметной землянки, а потом вели через весь разбойничий лагерь к ручью. Пленники пошатывались на нетвердых ногах, озирались, жались друг к другу и вздрагивали, если их окликали. Выглядели они жалко. Очевидно, под землей они провели не один день.

Что происходило возле ручья, Тильт толком не разобрал. Кажется, разбойники хотели заставить пленников вымыться, а те думали, что их собираются топить, и потому слабо, но вполне действительно сопротивлялись. Ругань и причитания привлекли внимание едва ли не всего лагеря – и теперь Тильт смог оценить, насколько же велик разбойничий отряд. Пожалуй, упомянутые Фербом баронские дружинники и в самом деле получили бы хороший отпор – к тому же терять лесовикам было нечего, в отличие от дружины, у которой дома семьи, жены, дети, хозяйство...

У ручья тем временем победила сила. Пленников раздели и сбросили в ледяную воду. Те сразу же полезли на берег, но им не дали выбраться, сталкивая обратно ногами и палками. Раз за разом голые испуганные люди карабкались по глинистому берегу, падали в ручей – и всё громче становились крики и хохот разбойников.

Впрочем, забава головорезам вскоре наскучила, и относительно чистые пленники сумели-таки выбраться из воды. Они еще долго стояли на берегу, заметно дрожа и прикрывая руками срамные места, прежде чем им кинули новую одежду – простую, крестьянскую, наверняка отобранную у жителей какой-нибудь из близлежащих деревень.

Одевались несчастные быстро, и было в их движениях нечто такое, что заставило Тильта отвернуться. Вновь увидел он пленников лишь когда они оказались в нескольких шагах от повозки. Руки у них были связаны за спиной. Конвоировал их только один человек – огромный, бритый наголо разбойник с кривой саблей в руке и двумя ширококорыльми пистолетами за поясом. Был он, наверное, из моряков – его могучую шею и руки покрывали бесчисленные татуировки, изображающие корабельные сражения и морских чудовищ. Он и шел – словно по качающейся палубе ступал.

– Принимай друзей, – рыкнул разбойник, заметив, что Тильт на него смотрит. – Все сплошь – почтенные мастера...

К почтенным мастерам здоровяк отнесся, впрочем, без должного почтения – одного за другим закинул их в повозку, спутал каждому ноги, вытер со лба пот усердия и отступил на шаг, замерев и поглядывая то в сторону лагеря, то на возящихся в соломе пленников.

– Здравствуйте, уважаемые... – первым решился подать голос Тильт. – Меня Тильтом зовут. Писец я... А вы давно тут? Не знаете часом, что с нами сделают?

Ему ответили не сразу. Лишь когда охраняющий пленников здоровяк потянулся, позевывая, кто-то быстро шепнул:

– Не знаем мы ничего... Ты помолчи...

Тильт повнимательней пригляделся к соседям. Если и было у них что-то общее, то в глаза оно не бросалось. Один – бородатый старик с лицом, похожим на моченое яблоко. Другой – белобрысый парнишка на вид чуть постарше Тильта. Третий – худой, нескладный мужичок, невысокий и, должно быть, легкий, словно мешок соломы. Они, не отрываясь, напряженно смотрели на лесной лагерь и бродящих по нему разбойников, и заразившийся их настроением

Тильт почувствовал, что его тоже начинает зябко колотить. Он сцепил зубы и тихонько ругнулся.

Татуированный страж тотчас повернулся к повозке. На лицо его словно маска пала – свирепая, жуткая маска.

– Не вякать! – прорычал он, пуча глаза. – Еще услышу – отдубасю так, что душа в теле перевернется!

Тильт притих. Соседи так и вовсе дышать перестали. Лежали будто мертвецы. А может и правда со страху вмиг перемерли?

– То-то же мне, – довольно сказал бритоголовый и отвернулся.

Вскоре к повозке вернулся знакомый Тильту разбойник.

– Ну что, почтенные мастера, готовы ли в путь? Сыты ли, умыты, здоровы? – Он улыбался. Точно такую улыбку Тильт видел на лице своего прежнего хозяина, когда тому удавалось повернуть особо удачную сделку. – Нет ли пожеланий каких? Жалоб?..

Разбойника звали Фербом – это Тильт запомнил. Был ли он предводителем банды? Вряд ли. Похоже, у лихих людей главаря не имелось вовсе, а основные решения принимали совместно несколько человек, пользующихся всеобщим уважением.

Ферб, очевидно, и был одним из них.

– Молчите? Стало бы, жалоб нет. Ну и хорошо, вот и славно.

Он отступил в сторону, пошептался о чем-то с бритым здоровяком, покивал, глядя на пленников. Вернулся, схватил Тильта за ногу, потянул к себе.

– Ты, почтенный мастер, не думай, что я забыл тебя связать. Ишь, руки-то спрятал, а ноги в солому зарыл. Давай-ко их сюда, руки-то...

Противиться было бесполезно. Тильт лишь, как мог, напряг мышцы, да постарался развести запястья пошире, когда разбойник связывал ему руки. Но Фербу такие уловки были знакомы, и он только усмехался, глядя на потуги пленника, да накручивал тугие сложные узлы, против которых и более хитрые уловки были бесполезны.

– Значится, так... – проговорил Ферб, управившись с веревками и оглядев пленников. – Бояться вам нечего, убивать вас мы не собираемся, ежели будете себя вести, как полагается. Потому не шумите, держитесь смирно и послушно. Если кто встретится в пути – не удумайте кричать. С вами здесь поедут три моих человека – они вмиг угоняют орущего кинжалом. Чтoб не видно вас было, мы рогожу накинem, да чуть соломы сверху натрусим – лежите, не шевелясь, особенно, когда остановка какая в пути случится. Дорога не шибко далекая – стерпите. Да и теплее под рогожей. Спите, что ли, оно и не скучно будет.

– А куда мы едем? – не удержался от вопроса Тильт.

– Разговорчивый ты слишком, почтенный мастер, – недовольно зыркнул на него разбойник. – Может, рот тебе заткнуть? Так ведь задохнешься под рогожей да под соломой... Хотя может оно и к лучшему? Может, прямо здесь и придушить тебя, чтоб потом сложностей не возникло?

Тильт крепко сжал губы и помотал головой.

– Понятливый... – хмыкнул Ферб. – Ладно, не душим пока, не для того ловлен. Куда мы едем, я не скажу. Ни к чему это вам. А вот зачем, объясню. Для того объясню, чтобы спокойней вам было, чтоб глупости разные в голову не лезли... Нужны вы, почтенные мастера, чтобы книгу какую-то переписать. Хорошие деньги за вас обещали...

– Кто? – вырвалось у Тильта.

– Добрые люди, почтенный мастер, – ответил Ферб. – Я таких добрых людей прежде никогда не встречал... По мне, от книг этих одно недоразумение, сомнение в голове, понавыдумывали их невесть зачем... Вот сказку какую или там был интересную и так из уст в уста передают, а в книгах, говорят, и вовсе насочиняют что попало...

Разбойник явно хотел сказать что-то еще, но его отвлек посторонний шум: словно ветер пронесся по кронам дерева, тревожа редкую листву.

Медленно опустился на колени татуированный страж. Выпала из его руки сабля.

Ферб повернулся пружинисто, резко; выхватил меч.

Бритый здоровяк рухнул лицом в траву. Меж лопаток у него торчала стрела.

Ферб вскинул руку над головой и закричал:

– К оружию!

Где-то в стороне взревел рог. Мелькнуло за деревьями синее с золотом полотнище.

– Барон! – проревел Ферб и, кинув быстрый взгляд на связанных пленников, бросился в лагерь...

Гай. Снова тролли и книга наемника

Будучи научен вчерашним опытом, Гай решил не идти в «Стол и Постель» с раннего утра. Все равно после завтрака постояльцы разбредутся по своим делам, а сидеть в пустом зале – дело неблагодарное и неинтересное. Они с Лори позавтракали оставшимся сыром и хлебом.

– Чего делать-то будешь? – спросил Лори.

– Пойду погуляю, город посмотрю, – пожал плечами Гай. – Ни разу в таких больших не был... Боюсь только, не заблудиться бы.

– Да где тут блудить, – пренебрежительно махнул рукой Лори. – Он же маленький. Вот в Аммлине я был, в Гарде – это города! Громадины! Стены – во! Дома – во! А это...

И конюший сплюнул в солому, демонстрируя свое презрение к Дилу. Гай попытался представить город крупнее Дила и не смог. Его познания об окружающем мире вообще были довольно скудными: прочитанный в Обители труд Киримата Пустынника «О землях далеких и странах, в них располагаемых» да рассказы святых отцов. Гарда, Аммлин – крупные южные города – казались Гаю сказочными и недостижимыми. Не говоря уж о таких диковинных странах, как Маскалан или Ошбат с их голубыми замками, поднимающимися до небес.

– А что ты в Гарде и Аммлине делал?

– На ярмарку ездил с отцом, как маленький был. У меня отец ремесленник был, гончар. Кувшины возили, тарелки...

– А что с ним потом стало?

– А умер, – беззаботно сказал Лори. – Мать сразу за Одвина вышла, он уже тогда постоянный двор держал... Сейчас на кухне работает. Дура она.

– Не дело так о матери...

– Так ведь дура и есть, – развел руками Лори. – И отец так всегда говорил, да и за Одвина этого умная разве пошла бы? Ну ладно, ты иди себе гуляй, а к полудню, смотри, возвращайся. Я как раз освобожусь, город тебе покажу, чего сам не увидишь...

Гай шел по булыжной мостовой, крайне довольный собой. Что может быть лучше: в первый же день нашел работу, ночлег, друга, да еще и денег заработал! В клапане пояса позвякивали оставшиеся монеты, которых должно хватить и на обед, и на развлечения. Когда-то в Ан-Брант приезжал бродячий цирк, и Гаю навсегда запомнились и дрессированные медведи, которые умели считать и плясать, и хрупкая танцовщица в сиреновом коротком платье, глядя на которую, деревенские мужики краснели, а их толстые жены возмущенно пытели и сокрушались, и маскаланский фокусник, который дышал огнем и ел железо... В Диле Гай надеялся увидеть множество подобных интересных вещей и заранее прикидывал, чего это будет стоить.

Судя по всему, он попал в центр. Дома здесь были особенно вычурные и высокие, а грубый булыжник мостовой перешел в гладкие плиты из неизвестного Гаю розоватого камня. Народ был тоже побогаче, чем тот, что Гай уже видел. В своей одежде он чувствовал себя неуверенно и решил, что как только подкопит деньжат, сразу купит что-нибудь посолиднее. Вот хотя бы в этой лавке портного, где над входом висят огромные ножницы... Или в этой...

Чтобы не заблудиться, Гай решил идти по одной и той же улице до самого конца, а потом вернуться по соседней. Так он и поступил, и неожиданно попал на рынок.

Рынок в Диле сильно отличался от рынка в центре графства, где Гай не раз бывал: вначале с отцом, затем с монахами. Во-первых, он был гораздо больше по размерам. Во-вторых, он был гораздо более шумным. В-третьих, здесь продавали все и вся. Груды овощей и фруктов сменялись свежесобранными кровоточащими тушами, великолепие разноцветных тканей – блеском клинков и кольчуг, загоны с визжащими поросятами – сбившимися в кучу рабами.

Рынку Гай решил много внимания не уделять, потому как и денег у него имелось негусто, и украсть их там могли запросто. Поэтому он обошел рынок по самому краю и снова вышел на знакомую уже улицу. Там оказалась целая толпа, и он тут же понял, почему.

Посередине мостовой двигалась огромная телега, которую тащила четверка здоровенных черных коней. Ими правил восседающий на передке дружинник, за ним сидели еще двое с копьями в руках. Но толпа смотрела не на них, а на двоих троллей.

Крепко связанные, со скованными лапами, тролли уныло тарасились по сторонам. Гай подобрался поближе, не совсем вежливо толкнув какого-то почтенного горожанина, и с ужасом убедился, что на телеге – его ночные знакомцы Борр и Хнаварт. Выглядели они жалко: у Хнаварта сломан клык, Борр весь перепачкан запекшейся кровью. Судя по всему, тролли яростно защищались, но превосходящие числом и вооружением солдаты скрутили их и привезли в город. Возница периодически оборачивался и ударял троллей бичом – на потеху толпе. Тролли рычали и огрызались.

– Смотри – тролли! – возбужденно заорал рядом знакомый голос. Гай обернулся и увидел своего приятеля Лори.

– Ты что здесь делаешь?

– Одвин послал колесной мази купить, а мне сказали, троллей привезли, так я сразу сюда. Смотри, смотри, как скалятся! Не нравится небось!!

– А что с ними сделают? – спросил Гай.

– Как это что? – удивился Лори. – Шкуру сдерут и повесят на стене. Или сожгут... Как магистрат решит. Не хватало нам еще нечисти всякой! Ну, гномы еще туда-сюда, гномы, они ж как люди, только что хитрые да жадные, зато по камню да железу мастера большие... А тролли, гоблины, упыри разные...

Телега, сопровождаемая шелканьем бича и криками толпы, скрылась за поворотом. Большинство горожан последовало за ней, другие, и в их числе Гай и Лори, направились по своим делам.

– Тебе что, жалко их, что ли? – изумлялся Лори, глядя на погрустневшего приятеля. Гай пожал плечами:

– Да не сказать, чтобы очень жалко... Понимаешь, знаю я этих троллей. Даже как зовут их, знаю.

– Это еще откуда?

– Да поймали они меня, когда в Дил шел.

– Да ну! – Лори вытаращил зеленые глаза. – И не сожрали?

– Да они и не жрут никого. Вроде не заведено это у них.

– Вранье, – уверенно заявил Лори. – Посуди сам: что троллю с человеком еще сделать? Ясно, сожрать. Вон клыки у них какие!

– Говорю тебе, не едят они людей! – вспыхнул Гай. – При мне оленя жарили на костре, мой сыр с хлебом съели. А меня не стали. Хотели, правда, убить, чтобы солдатам не рассказал, а потом отпустили.

– Чего ж так?

– Я пообещал, что никому про них рассказывать не стану, они и отпустили. Нож только отняли, ну да его не жалко. Они, по-моему, добрые. Куда добрее, чем многие люди...

– Да? Странно. Должны были съесть, а не съели... Может, не голодные были? – с сомнением пробормотал Лори.

– Говорю, безобидные они твари, – рассердился Гай. – Глупые, но безобидные. Как кот твой.

– Скратч умный, – возразил Лори. Разговаривая, он успевал подпрыгивать на одной ноге и ловко жонглировать банкой с мазью. – И не безобидный. Знаешь как хватануть может когтями? Или укусить, если что ему не по нраву придется.

Гай пожал плечами.

– Ну и ладно, – неожиданно сказал Лори, когда приятели уже подходили к «Столу и Постели». – Значит, надо твоих друзей зубастых выручать.

– Как это?! – удивился Гай.

– Ну, положим, заступаться за них в магистрат нет резону идти: колдунами обзовут и рядом повесят или зажарят, как положено. А вот помочь убежать – другое дело. Тут вот какая штука... Хотя постой, сперва отнесу Одвину мазь, а то тумачков отхвачу. Посиди, что ли, здесь.

Гай послушно присел на каменную скамью у входа в «Стол и Постель». Внутри заходили ранние посетители; бренча железом, пришли попить пивка несколько стражников. Глядя на их здоровенные мечи, Гай подумал, что неплохо бы поучиться мечом владеть, не то – луком. Мало ли что в жизни случится? Хотя Отец Абак говорил, что писцу оружие негоже, пальцы портит... Там видно будет, решил Гай. Из лука-то по-всякому стрелять пригодится, это не тяжеленным мечом вертеть. Опять же есть арбалет, там и тетиву натягивать не нужно, колесико специальное для того имеется.

– Ну вот, как я и думал, – запыхавшийся Лори потирал красное ухо. – Эх я деру дал! Где спрашивает, сдача?! А какая сдача с двух медяков?! Мне и так-то лавочник не хотел продавать, еле выпросил я, разнылся, что хозяин, мол, прибьет... Да так и вышло все равно. Ну и ладно. Так что там наши тролли?

– Ты ведь сказал, шкуру сдерут... – напомнил Гай.

– Не сразу же. Посадят в подвал, допросят, судить будут по всем правилам, как нечисть. Святых отцов призовут. Я так думаю, не раньше чем послезавтра шкуру будут драть.

– Я вот еще хотел спросить, – вспомнил Гай. – Человек в ремнях, что дрался вчера, он кто? Наемник?

– Грифф, что ли? А кто его знает. Боец – ого-го! – уважительно сказал Лори. – Утром во дворе с мечом, топором или так просто разминается – любо-дорого глядеть. Вот мне бы так... А человек он хороший. Никогда зря не обидит. Заезжает, почитай, в год раза четыре, поживет-поживет, да и уедет. Я так думаю, сам по себе он.

– Значит, все-таки наемник, – кивнул Гай.

– Да не наемник! – сощурился Лори. – Наемники – они другие. Тем только напиться, сожрать побольше и драку устроить. И злые они. А Грифф – добрый, и почему зря не дерется, только если в потеху или обидит его кто сильно. За меня пару раз заступался. Одвин его не любит, да только тот платит хорошо. А что он тебе?

– Просто так спросил. Интересно.

– Ты чем вопросы задавать, иди-ка на свое место ремеслом заниматься, а то вечером нам поесть нечего будет. А я насчет зубастых твоих поразмыслию, – ворчливо заметил Лори и отправился по хозяйственным делам.

Гай разинул было рот, но промолчал. Все честно. Лори предоставил ему кров, пиво опять же, поучает все время, чего и как... А деньги на то и нужны, чтобы еду да одежду покупать. Не дворец же строить, в конце концов.

Этот день у Гая выдался менее прибыльным – одно только письмо и написал. Зал был почти пуст, унылый Одвин протирали грязной тряпкой пивные кружки и грызся с поварами. В целях экономии Гай решил не обедать: лучше день с пустым брюхом проходить, да спать с сытым завалиться... Однако не удержался и купил пирог с яблоками. А к пирогу сама собой попросилась кружка пива...

Когда Гай допивал пиво, в зале появился Грифф. Он подошел к Одвину и стал что-то обсуждать с ним. Одноглазый хозяин показал пальцем в угол Гая. Грифф пожал плечами и направился к писцу.

Гай торопливо сделал последний глоток и смахнул со стола крошки.

– Вечер добрый, почтенный мастер, – произнес Грифф, кладя на край стола небольшой сверток. Теперь Гай мог хорошо рассмотреть давешнего драчуна. На вид лет тридцати, может, чуть больше. Волосы черные, как горячий камень, острый, чуть кривоватый нос – видать, перебили когда-то, а может, и не раз... Глубоко сидящие зеленые глаза смотрели весело, но висящий на поясе небольшой меч не советовал особенно шутить с его обладателем.

Одежда Гриффа была нехитрой: кожаная куртка, вся в ремнях и карманах, кожаные штаны, грубые башмаки с окованными железом носами. Высокий, много выше Гая, но не здоровяк. Говорил он с почти неуловимым акцентом, распознать который Гай не мог.

– Чем могу помочь, почтенный? – осведомился Гай. – Написать письмо, прочесть, перевести?

– Читать я и сам мастак, – чуть смущенно сказал Грифф, садясь на скамью. – Да вот книга у меня... Посмотри, почтенный мастер.

Он размотал холстину и бережно извлек толстый том. Гай раскрыл его, пробежал глазами первую страницу, пролистал несколько и вздохнул:

– Извини, почтенный, но этот язык мне неведом. Писец, который переписывал, конечно, большой умелец, но прочитать...

На самом деле Гаю значки-буквы показались знакомыми, то ли в Обители видел подобные, то ли путал с чем-то... Но говорить об этом Гриффу он не стал.

– Я и не надеялся, – улыбнулся Грифф, упаковывая книгу. – В шести местах за день побывал, так никто и не осилил. Здешний хозяин сказал, новый писец появился, я и попытал счастья... Ну, извини, мастер.

Он поднялся, скрипя кожей, завернул книгу и отправился наверх, в свою комнату.

Гай посидел еще немного, понял, что ничего больше не заработает, и подошел к Одвину.

– Большая ли прибыль, писец? – спросил тот, оставив свои кружки.

– Какая тут прибыль... – вздохнул Гай, отсчитывая одноглазому медяки.

– А ты как думал? Легко ульты считать, да нелегко заработать, – наставительно сказал Одвин. – Чего этот спрашивал-то?

– Грифф?

– Уже и имя прознал? Смотри, за язык щипцами потащат. Так чего спрашивал?

– Так, разное, – уклончиво ответил Гай.

– Ну, считай, я предупредил. Опасный человек он, попомни, писец. Он-то всегда удерет, шустрый, а тебе голову смахнут, и все дела. Ладно, проваливай в свой «Гриффон».

Гай поклонился и пошел в конюшню, убедившись, что ни Одвин, ни его досужие подручные за ним не следят.

Лори уже возлежал на своей сенной постели вместе с котом. В темноте глаза Скратча горели таинственным зеленым светом, он негромко урчал.

– Почти ничего и не заработал, – расстроено сказал Гай, опускаясь на сено. – Мало того, еще и отдал треть. Ну что, иди в лавку?

– Сиди уж, я сам схожу, – Лори проворно сцапал монеты и исчез. Сброшенный на пол Скратч недовольно мяукнул и взобрался на колени к Гаю, которого уже считал за своего.

– Ну, что, котище? – спросил Гай. – Тоже небось голодный?

Скратч только что умял на кухне блюдец сметаны, но признаваться в этом не захотел и жалобно замыкал.

– Сейчас хозяин твой принесет чего-нибудь.

Лори не заставил себя долго ждать; обернулся вмиг. Возбужденно пыхтя, он зажег свечу и разложил на тряпице покупки. Увидев здоровенный копченый окорок, Гай удивился:

– Откуда? Там же сушья мелочь была!

– Так я и не купил. Стянул, – гордо сказал Лори.

– Ты что? – возмутился Гай. – Это же нехорошо.

– А и пускай. С лавочника не убудет, лишний раз обвесит кого или монету фальшивую подсунет. Они такие. А нам с тобой и коту вон есть нечего, правда, кот?

Скратч согласно мяукнул, косясь на окорок.

– И вообще, где твой ножик? У меня уж слюни текут.

Гай пожал плечами и через мгновение уже жевал большой кусок окорока, заедая его лепешками. Лепешки Лори «купил» тем же образом, что и сыр. Интересно, что сказал бы добрый Отец Абак, узнай он, что Гай водится с воришкой и даже ест краденое мясо? Небось отругал бы и велел весь моленный зал подмести и паутины убрать... А паутины – они высоко, надо на лестницу забираться, а с балок летучие мыши в глаза бросаются, выцарапать норовят... Гай поежился. А мясо все равно вкусное.

– И часто ты так? – поинтересовался Гай, протягивая руку за новым куском.

– Ворую? А как есть захочу. Чаше на кухне, там проще. Да и поймают если, разве что кнутом выдерут. А в лавке если схватят – тут же стражников позовут, а там уж как магистрат решит. Могут руку отрубить, могут голову. Да только я убегу. Я такой. А вообще я воров много знаю, они меня к себе звали, да я не хочу: боязно.

Некоторое время в уютном закутке конюшни раздавалось только дружное чавканье и урчание кота, который также получил свою порцию, и немаленькую.

А потом все уснули, погасив свечу.

Тильт. Бегство в терновник

Плохо, плохо думал Тильт о баронских дружинниках: поди ж ты, и ловушки разбойничьи обошли! Как оно дальше сложится, рассуждать времени не было – улучив момент, Тильт перевалился через высокий борт повозки и мешком упал на траву. В голове зазвенело, перед глазами завертелись радужные круги. Пару мгновений он лежал, скорчившись, по-рыбьи хватая ртом воздух, а потом, сумев-таки вдохнуть, распрямился, вытянулся и неуклюже, будто неровное бревно под кривую горку, покатился к убитому бандиту.

Вернее, к его сабле...

В разбойничьем лагере шел бой. От лязга и скрежета ломило зубы. Истошные крики нагоняли ужас. Демоническим голосом взрывал рог. От поступи тяжелых ног, обутих в металл, вздрагивала земля.

Перерезать узлы валяющейся на земле саблей оказалось невообразимо сложным делом. С Тильта семь потов сошло, и до крови ободралась кожа на запястьях, прежде чем хоть что-то стало получаться. Однако ему здорово повезло – он перепилил веревку в удачном месте – и хитрые узлы распустились.

Освободить ноги получилось гораздо быстрее.

Тильт глянул на смешавшихся в драке людей, подхватил саблю и бросился назад к повозке:

– Давайте руки! – крикнул он пленникам. – Быстрее! Бежим!

На него посмотрели, как на безумного.

– Ты с ума сошел, мальчишка, – прошипел старик, жуя свою бороду. – Тебя убьют либо солдаты барона, либо разбойники. Хочешь умирать – беги. Но нас за собой не тяни.

– Здесь безопасней всего сейчас, – добавил тощий мужик. – Если барон одержит верх – он нас спасет. А лезть под стрелы и на мечи – неразумно.

Тильт оглянулся.

Солдаты неведомого барона превосходили лихих оборванцев и в выучке, и в оснащении. На солнце ярко блистали доспехи и круглые щиты; сверкающие прямые мечи с одинаковой легкостью вспарывали воздух и плоть; со смертельной точностью били разбойников острые легкие стрелы.

Но бандиты сдаваться не собирались. И не похоже было, что бегство входит в их планы. Разбойники сбивались в стаи и успешно сдерживали врага, а кое-где даже теснили его. Они находились на своей территории, они давно ее обжили, и у них было достаточно времени, чтобы как следует подготовиться к обороне. С деревьев на головы солдатом падали тяжелые бревна, под обутыми в железо ногами рушились настилы, скрывающие ямы с заостренными кольями на дне.

Несколько секунд присматривался Тильт к сражающимся сторонам, пытаясь угадать, на чьей стороне сила. Тщетно! Ему, мало что понимающему в ратном деле, разобраться в происходящем было непросто.

– Лезь назад, – шепнул кто-то из связанных пленников. – Барон нас освободит.

Баронам Тильт доверял не больше, чем разбойникам. Гораздо разумней было положиться на себя.

Он нырнул под повозку, вылез с противоположной стороны.

Лес был рядом. Лес, полный ловушек.

Тильт сделал два шага. И остановился в нерешительности.

Не лучше ли спрятаться где-нибудь здесь, неподалеку? Дождаться, пока всё успокоится, а потом...

Он не знал, что именно будет потом. Но почему-то был уверен, что «потом» будет лучше, чем сейчас. Понятней, ясней, определенной.

Он пригнулся, присел, обернулся затравленно. Он боялся двигаться: боялся, что его кто-нибудь заметит, что случайная стрела ударит в спину, что нога зацепится за веревку ловушки, и в траве щелкнет тетива, или прошуршит сквозь крону тяжеленное бревно, от которого не увернуться, не спастись...

Но и стоять на месте он не мог.

Тихо, словно потерявший родителя звереныш, пополз Тильт к густым зарослям терновника. Туда, где, как ему казалось, можно было надежно укрыться. И где можно было обдумать сложившееся положение, не боясь получить стрелу в спину.

Продраться сквозь кусты оказалось делом непростым. Колючие ветви сомкнулись, переплелись плотно; кривые шипы цеплялись за одежду, царапали кожу; узловатые перекрученные стволы стояли так тесно, что протиснуться меж ними порой можно было лишь боком. В зарослях было сумрачно, серо – даже звуки недалекой битвы потускнели и расплылись. От сырой земли шел тяжелый дух, и у Тильта кружилась голова и перехватывало дыхание.

Он не стал забираться совсем уж глубоко. Выбросил тяжелую ненужную саблю, нашел ямку у корней тернового дерева, нагреб в нее палых листьев – и устроился в своем убежище, похожем на гнездо.

Снизу, с земли, обзор был гораздо лучше – не мешали частые ветки. В просветах даже можно было различить кое-какое движение и острые холодные проблески – это лесные разбойники бились с солдатами барона. Тильт уже не пытался угадать, на чьей стороне сила. Ему это стало безразлично. Он лишь хотел, чтобы его пропажу заметили как можно позже. И он верил, он убеждал себя поверить, что искать его не станут.

Действительно, зачем он барону?

И неужели разбойники, потерявшие многих товарищей, бросятся в погоню за мальчишкой-писцом, не зная даже, в каком направлении тот двинулся?

Нет! Они оставят его в покое. Кто бы ни победил. У них найдется достаточно дел, и они просто забудут о сбежавшем пленнике.

В конце-концов, им легче похитить нового писца, чем искать сбежавшего в этой чащобе...

Тильт кивнул и перевернулся на спину. Он почти уже успокоился.

Над головой светилось небо, испещренное черной сеткой ветвей.

«Вот как странно, – лениво подумал Тильт. – Еще вчера холодный ветер с трудом тащил по небу свинцовые тучи, а сейчас тихо и ясно, будто в летний погожий день».

Куда все девалось?..

С ветвей отрывались потерявшие жизнь листья; они падали, кружась, и мягко ложились на землю. Тильт смотрел на них, все больше и больше погружаясь в умиротворенное созерцание – и в какой-то момент ему вдруг открылось нечто огромное, очень важное, бесформенное – невыразимое простыми словами.

Подобные озарения посещали его и раньше. Обычно он, бросив текущие дела, хватался за перо и выплескивал на бумагу свои ощущения, мысли, освобождался от них, при том остро чувствуя беспомощность выбранных слов и вялую ущербность складывающихся предложений.

Сейчас под рукой не было ни пера, ни бумаги.

Может, и к лучшему, – подумал он, вспоминая разочарование, возникающее при перечитывании получившихся опусов.

Он лежал еще долго, глядя вверх и ворочая в уме тусклые слова...

Потом хозяева ругали его за перевод бумаги и чернил. А он сердился на себя за то, что не мог выразить в письме и малой части ощущаемого...

Сбивая листья, сквозь ветки пролетела стрела. Она упала в трех шагах от Тильта, напомнив ему о реальности. Шум битвы, вроде бы, стал громче, ближе. Ясно слышались крики.

– Отрезай! – истошно орал кто-то в стороне. – Там Смешливый Ферб!

– Справа, справа заходи!

– Зови подкрепление!

Взревел рог.

Еще одна стрела пробила терновые заросли, упала неподалеку, потеряв силу. Тильт вжался в землю, попытался зарыться в листья.

Что-то происходило. Совсем рядом.

Лязгала, гроыхала сталь. Трещал валежник. Отовсюду неслись крики. Слышался топот. За кривыми стволами мелькали тени. Щелкали по деревьям стрелы – все чаще и чаще.

Нужно было прятаться.

Или бежать.

Тильт задергался.

Бежать? Или прятаться?

Или сражаться?

Где-то была сабля. Он притащил ее с собой. Потом бросил.

Где-то здесь.

Где-то...

Пальцы его коснулись холодной стали. Он, приподнявшись, вытащил оружие из-под листьев, обхватил рукоять обеими руками, занес саблю над головой.

Страшно было представить, как этот клинок врубается в чье-то тело.

Страшно было подумать, что одно движение может прервать чью-то жизнь.

Такое простое движение... Он взмахнул саблей. На землю упала срубленная ветка.

Прятаться!

Приняв решение, он срезал еще несколько ветвей побольше, подтащил их к своему убежищу, прикрыл ими яму, а сверху бросил охапку листьев. Вышло довольно неплохо. Если кто-то и занесет сюда, он пройдет мимо, не заметив, что под кучей хвороста у корней кривого тернового дерева прячется свернувшийся клубком мальчишка.

Почтенный мастер... Ну, надо же – почтенный мастер...

Тильт негромко рассмеялся. Ему было совсем не смешно – но он давился смехом. И никак не мог остановиться.

Смеясь, полез он в укрытие. Смеясь, засыпал себя листьями. И лишь скорчившись на холодной земле, обняв саблю, немного успокоился.

Примерно в сорока шагах от него шел бой. Совсем рядом люди убивали людей. Тильт слышал, как умирают побежденные, и как ликуют победители.

А потом он услышал, как кто-то продирается сквозь заросли, направляясь точно к нему...

Гай. Воровское логово

Человек, распятый на засаленной стене пыточной, был стар, толст и тяжел, что усиливало его муки. Впрочем, страдать ему оставалось недолго, и палач это понимал не хуже любого лекаря: отложив в сторону кривые щипчики, он сказал своему коллеге:

– Похоже, брат Олма, подопечный наш вот-вот кончится. Посинел вон как, дрожит... Верный признак.

– Ну и Дран с ним, – ответил второй, шумно почесываясь.

– Заказчик будет недоволен. Он так ничего и не сказал.

– Видят боги, мы старались, – развел руками Олма и обратил морщинистое лицо к подсвеченному масляной лампадкой углу, где скалился Ягупта – покровитель пыточных дел мастеров.

Человек на стене хрипло застонал и пошевелился. Олма поспешно склонился к нему, второй палач плеснул в лицо пытаемого ковш холодной воды. Человек открыл налитые кровью глаза.

– Ну, голубчик, ты уж скажи что-нибудь, – ласково попросил Олма. Человек, скосив глаза, посмотрел на него, и по телу пробежала судорога. Из рта хлынул поток рвоты, перемешанной с кровью, и палач еле-еле успел увернуться, принявшись сыпать ругательствами.

– Подох-таки, – констатировал второй, потыкав висящего костлявым пальцем под ребра. – И сердчишко стало. Интересно, сколько заказчик вычтет?

– Больше трети не верну! – воспротивился Олма, возмущенно выкатив глаза. – Сопрели тут в жаре, покуда возились... Ноги болят, поясница – не мальчик уже! Почитай, с полудня маемся! Да и задание, тоже мне: скажи, мол, куда ездил по весне и зачем. Не люблю я таких заданий, не понимаю. Видать, заказчик и сам человек темный, раз такие вопросы задает. Муторно больно. Вот почтенный Граанек, даром что душегуб известный, у того все просто: куда золото зарыл или, к примеру, камушки какие... Опять же без рескрипта, магистрат узнает – самих нас обдерет, как свиней на мясной праздник. Ох, работка у нас, брат Гефен...

– Да, почтенный Граанек уважаемый клиент, – согласился второй.

– А этот – и сам чужак, черный весь, глаза с зеленью, говорит нехорошо, и нам чужака приволок, – продолжал брюзжать Олма, наливая в оловянную кружку разбавленного вина из висящего бурдючка. – Не ровен час, самого приволокут в пытошную, да только не к нам, а в магистрат, у них там мастера-то поинтересней будут, и инструментец новенький, не то что наш. Ты, брат Гефен, не слыхал, скоро у них там местечко освободится?

– Не слыхал, брат Олма, – Гефен собирал страховидные железяки в сундучок, предварительно ополаскивая их в корытце. – Выживешь кого оттуда, как же. И что главное – старенькие уже все, песок сыплется, а всё работают. Нет, понимаешь, кому помоложе пост уступить, а самому – на отдых, на отдых... Рыбку ловить, внуков качать...

Олма сочувственно покивал. Гефен запихнул сундучок под сколоченный из горбылей лежак, покрытый темными пятнами, потом подвел по балке к телу веревку с петлей и деревянным блоком, и стал прилаживать петлю на шею покойнику. Олма, прихлебывая из кружки, наблюдал за стараниями коллеги.

– Палкою, палкою пособи, – посоветовал он. – Не достанешь.

– Ну что за несчастье, – плакался Гефен, неуклюже подскакивая на цыпочках. – Как жирный и здоровый, так я ташу, как хилый да тщедушный – ты...

– Сам жребий вытянул, – возразил Олма. – К тому же барахло все тебе досталось.

– Ну уж и барахло: тряпки да железки. Всего-то добра, что перстень, да и тот небось в карты сегодня же вечером у меня и вытянешь.

– А ты не ставь.

– А что ж мне еще ставить-то? Э-эх! – Гефен накинул петлю и поволок тело. Где-то наверху хлопнула дверь, Олма насторожился:

– Никак, заказчик идет?

Шаги по извилистой каменной лестнице приближались, распахнулась вторая дверь, в пыточную.

– Добрый вечер, почтенный, – согнулся в поклоне Гефен, не выпуская конец веревки. Олма спрятал кружку с недопитым вином.

Заказчик стоял посередине комнаты, освещаемой тусклыми масляными светильниками. Ноздри его брезгливо дергались – в пыточной стоял плотный запах крови, испражнений, пота и горелого мяса. Олма торопливо дернул за шнурок, и под самым потолком открылось маленькое вентиляционное оконце, после чего поспешил приволочь громоздкий табурет. Заказчик покосился на грязный предмет мебели и садиться не стал.

– Умер? – спросил он, указывая на неподвижное тело.

– Стало быть, так, почтенный, – приложил ладонь к сердцу Гефен. – В аккурат перед приходом вашим к Драну и отправился.

– Что он сказал? – Заказчик говорил с акцентом, не то авальдским, не каким-то южным, почти незаметным, но достаточным для распознавания чужеземца.

– Ничего, с позволения почтенного, – доложил Олма, опасливо поглядывая на меч заказчика. – Молчал, как каменный. Мы его уж и огоньком, и растворчиками едучими, и книжку одну маскаланскую вспомянули с полезными руководствами – все одно. С тем и помер. Вы уж не гневайтесь, старались по первому классу.

– Да я уж вижу, – заказчик окинул взглядом изуродованный труп.

Гефен скорчил Олме рожу, и тот, откашлявшись, начал:

– Почтенный, мы, конечно, понимаем...

– Если ты хочешь говорить об оплате, то можете оставить ее себе, – перебил заказчик. – Вы отработали ее честно, хотя и ничего не добились. Собственно, я и не надеялся, что он скажет хоть слово.

Сказав так, он развернулся и вышел.

– Вот и ладно, – потер ладони Олма. – А ты трупок-то тащи, тащи... Еще влезет кто, а он тут болтается. Прибрать все надобно, а вечером можно и погулять. В картишки сыграть...

– ...Как-то нехорошо мне, – пробормотал Гай, проснувшись. Было еще рано, по крыше конюшни шуршал дождь. Рядом потягивался Скрагч.

– Чего сказал? – поинтересовался Лори, просовывая голову в сенное логово.

– Говорю, нехорошо мне как-то на душе. Тролли эти из ума не идут. Мы тут спим, мясо ворованное едим, а им шкуру сдерут. Все ж думают, что они – злые. И ты вот думал...

– Ну, я, положим, уже передумал. Мне тебе не верить как-то не с руки. Раз сказал: добрые, значит, добрые. Только не слыхивал я такого, чтобы люди троллей спасали. Ну как мы их спасем, а они нас тут же и сожрут?

Гай возмущенно вскочил с постели, но Лори захохотал и замахал на него руками:

– Да сиди ты, сиди, почтенный писец! Уж и пошутить нельзя. Ты вот что, иди-ка работай, а я лошадей накормлю, почищу и поговорю с кем надо. Понял? А то деньги понадобятся, а денег-то и нет.

Сказав так, Лори исчез.

Гай вышел во двор, поплескал из бочки в лицо, попрыгал под дождиком. Потом достал из-за пояса ароматный корешок и принялся жевать, чтобы отбить дурной утренний запах изо рта.

Из задней двери постоянного двора вышел один из подручных Одвина, плотный коренастый парень с виду постарше Гая. Звали его вроде бы Стелан.

– Что-то ты с утра по двору шастаешь, писец, – проворчал Стелан, выливая помои в свиное корыто.

– На работу пришел, – стараясь говорить как можно спокойнее, ответил Гай. Драться со здоровенным малым ему вовсе не хотелось.

– Ну, работай, работай, – таинственно произнес Стелан и убрел внутрь.

Ну и подручных насобирал себе этот одноглазый, – подумал Гай. – Морды одни чего стоят, не говоря уж о том, что жулики беспросветные... Нажалуется небось Одвину, наврет чего... Да уж ладно...

Дождь усиливался, по городу гулять в такую погоду Гай не хотел. Посему он направился на свое место в зале, хотя так рано надеяться на работу не приходилось.

Как ни странно, там уже кишел люд: человек примерно пятнадцать. Гай занял свое место, разложил принадлежности и тут же был вознагражден за столь раннее появление: двое бородатых крепышей в одинаковых серо-коричневых камзолах поспешили к столу писца. Один из них, вроде как постарше, солидно загудел:

– Утро светлое тебе, мастер.

– И вам, почтенные.

– Прощения писать обучен?

– Прощения, письма, поздравления с датами торжественными, слова на упокоение... – обрадованно затараторил было Гай, но второй гном – если это все-таки был гном – перебил его:

– Тогда пиши, мастер, прощение. В магистрат преславного города Дила от торговцев Сивельби и Дагвальби...

Гай окунул перо в чернильницу и принялся писать. Торговцы, прибывшие в Дил вчера, просили магистрат разрешить им продать привезенные кожи дешевле установленной цены, потому как спешные домашние дела не позволяли оставаться в Диле достаточно долго. Что за дела – торговцы не стали указывать, но выглядели они очень озабоченными. Гай закончил писать, помахал в воздухе листком, чтобы обсохли чернила на завитках, и получил свой шестиугольник.

– Настоящего мастера вижу! – сказали над головой беззлобно и весело, когда Гай прятал монету в клапан пояса. – Чуть свет в окно, а он уж за перо!

Это был Грифф. Он улыбался и держал в руке узкогорлый кувшин.

– Утро доброе, почтенный, – поздоровался Гай.

– И тебе, и тебе... Не откажешься выпить немного вина вместе со мной?

– С утра? – усомнился Гай.

– А-а... Да, «Утро прекрасно для ласк, утро прекрасно для роз, только вина, мальчик мой, утром не пей никогда»... – продекламировал Грифф. Увидев, что Гай недоуменно таращится на него, пояснил:

– Стихи. Уммар Благодетельный в переводе неизвестного поэта. Но ты его не слушай. По крайней мере, вот этого скафийского голубого стихи Уммара точно не касаются. Очевидно, он его попросту не пробовал, – Грифф обернулся и крикнул: – Хозяин, два бокала!

Стелан принес бокалы, Грифф откупорил кувшин и наполнил их. Вино и впрямь было прозрачно-голубым, и Гай осторожно пригубил его.

– Ну, как? – спросил Грифф, с интересом наблюдавший за писцом.

– Вкусно, – кивнул Гай. – Ни разу не пробовал такое...

– Неудивительно. Очень дорого, – вздохнул Грифф. – Обошел все лавки, специально встал спозаранок. Только в одной и раздобыл, да и то не лучшего урожая.

– Но зачем ты тратишь на меня деньги, почтенный? Может быть, я могу чем-то тебе помочь, оказать какую-то услугу? Я не смог прочесть твою книгу, но, может быть, тебе нужно что-то переписать?

– Просто ты мне понравился, парень, – улыбнулся Грифф. – И мне почему-то кажется, что мы с тобой подружимся.

И он удалился, оставив Гая размышлять над этими словами.

...День заканчивался, но рынок все еще бурлил. Лори деловито сновал меж возов и прилавков, разыскивая кого-то. Гай покорно бродил за ним, потом решился и спросил:

– Кого ищешь-то?

– Человека одного, – туманно ответил Лори.

– Зачем? И меня зачем вытащил раньше времени? Вечером, может, самый клиент идет...

– Твои тролли, ты и разговаривай. Хотя какой с тебя толк...

– Так он что, человек твой, поможет нам троллей освободить? И зачем это ему?

– А просто так. Захочет – поможет, не захочет – не поможет. Слушай меня внимательно, – прошипел Лори. – Сейчас мы будем разговаривать с очень опасным типом. Зовут его Ларс Мотыга, но для нас он – почтенный Ларс, никак иначе. Ему в принципе наплевать на троллей и на нас вместе с троллями, но ради хороших денег он может сделать очень многое. Среди воров в Диле он едва не самый главный, да и то лишь потому, что молодой, дальше и главным станет... Говорить я буду, а ты только кланяйся, когда надо, да отвечай, если спросит.

– Привет, лошадиный прислужник! – сказал кто-то толстым голосом над самой головой Гая. Он испуганно обернулся и едва не уперся носом в грязный замшевый жилет. Жилет с трудом сдерживал огромное пузо, а над пузом была неловко приделана маленькая голова с пухлыми губами и рачьими глазками.

– Привет, Упырь, – Лори облегченно вздохнул. – По всему рынку тебя ищут.

– Что ж так? – Толстяк выглядел вполне добродушным, но Гай заметил, что во время разговора он внимательно следит за происходящим вокруг и словно чего-то опасается.

– Дело есть. Надобно с Мотыгой встретиться.

– Так уж и надобно? А ты спросил у Мотыги, надобен ли ты ему?

– Ты, Упырь, передай, а там видно будет, – сердито сказал Лори. – Я тут обожду.

– А это кто с тобой? – рачьи глазки на мгновение скользнули по Гаю.

– Приятель. Иди, иди давай.

Толстяк пожал плечами и неожиданно проворно ввинтился в толпу.

– Это кто? – шепотом спросил Гай.

– Дайну Упырь. Рыночный вор, но может и зарезать кого, если заплатят. А так, в общем-то, порядочный человек.

Сочетание «вор», «может зарезать» и «порядочный человек» не очень-то представлялось Гаю возможным, но он смолчал, тем более что Упырь тут же вернулся.

– Пошли, – сказал он, с некоторым уважением посмотрев на Лори. – И впрямь согласился. Это ж надо, с таким головастиком!

– Кому головастик, а кому и нет, – буркнул Лори, но Гай видел, что его приятель гордится оказанной честью.

Они вышли с рыночной площади и поднялись по извилистому проулку, засыпанному щебнем. Остановились у приземистого бревенчатого дома. Упырь постучал в массивную дверь, в ее центре открылось окошечко, в окошечке появился любопытный глаз.

– Вот я тебе в следующий раз пальцем в зыркало-то ткну, – пообещал Упырь, утробно хихикнув. – Или ножичком.

– Ну, чего ты, чего... – забормотали за дверью, лязгая железом.

– А то, что службу надо исправно нести, – наставительно заявил Упырь.

Они вошли внутрь и оказались в полутемном помещении. Владелец любопытного глаза, худосочный плешастик, состоявший, казалось, из одних суставов, сделал непонятный знак пальцами и скрылся за шторой, свисавшей с дальней стены.

– Это мы где? – спросил Гай, но Лори молча ткнул его локтем в бок.

Тощий высунулся из-за шторы и поманил приятелей пальцем.

За шторой оказалась комната с узеньким окном, забранном желто-оранжевым стеклом. Посреди комнаты помещался изящный резной стол, а за столом в огромном кресле сидел человек.

Даже если бы Лори не рассказал Гаю, насколько опасен Ларс Мотыга, это легко было понять по его внешности. Несмотря на вальяжность позы, Мотыга был похож на комок мышц, и Гай понял: если он сделает что-то не так, жить ему останется очень и очень недолго. Притом вор был очень красив и за внешностью своей явно тщательно ухаживал.

Мотыга взял из серебряной вазочки незнакому Гаю ярко-красную ягоду, бросил в рот, разжевал. Лисьи глаза вора быстро обежали фигуры вошедших и остановились на Лори.

– Я тебя знаю, мальчик? – спросил Мотыга. Голос его, чистый и мелодичный, оказался столь же приятен, как и внешность. – Знаю, кажется мне. И неплохо.

– Знаете, почтенный Ларс, – сказал с поклоном Лори. – Меня рекомендовал Сванти Выползень.

– Припоминаю, – поморщился Ларс. – Лори, приемыш этого ублюдка Одвина. Ну и как, не желаешь пока в ночную армию Дила, а? Знаю, как ты у старого Леба жратву таскаешь! Нам такие шустрые нужны, ой как нужны! Так что ты, мальчик, подумай. Хорошенько подумай!

Мотыга побарабанил пальцами, унизанными перстнями, по суконному покрытию стола. Лори молчал, все так же согнувшись в поклоне; рядом застыл Гай.

– А ты кто таков, мальчик?

– Гай, писец с постоялого двора «Стол и Постель», почтенный Ларс, – запинаясь от волнения, ответил Гай. В голове его металась обрывки мыслей: вот и все... зарежут... пропадали бы эти тролли, и Дран с ними... зачем напросились...

– Ты не бойся, мальчик Гай, – напевно протянул Мотыга. – Ты же никому не расскажешь о нашей встрече, не так ли? Конечно, нет. Я в этом уверен. Если бы я не был в этом уверен, Упырь оторвал бы тебе голову еще в переулке. Ты веришь?

– Верю, почтенный Ларс.

– Ну вот. Так что у вас за дело, говорите поскорее.

– Может быть, оно покажется тебе странным, почтенный Ларс... Но мы готовы заплатить, сколько нужно, – решительно произнес Лори.

– Вот как? – поднял брови вор. – Богатые мальчишки, да? Откуда же у вас деньги, богатые мальчишки? Постойте, не нужно рассказывать: все равно они в конце концов окажутся у меня, если только вы не затеяли меня обмануть, а вы же не сделаете такого, да? Получается, это уже почти мои деньги, а как они достались вам – зачем мне знать... Возможно, вы их нашли. Возможно, выиграли в карты. Но что же за странное дело? Вы меня заинтриговали.

– В магистрате, в подвале, сидят двое троллей, – начал Лори. Гай следил за вором, но тот никак не среагировал на начало рассказа. – Нам нужно этих троллей оттуда вытащить, почтенный Ларс.

– Троллей, вот так... – задумчиво сказал Мотыга. – И к чему вам тролли, богатые мальчишки? Ах, нет, не буду спрашивать. Вам нужны тролли, мне – деньги, и весь разговор. Но дело непростое, очень непростое, странное дело... Хорошо. У меня есть люди в магистрате, которые узнают, и где сидят ваши тролли, и что с ними собираются сделать, и как их оттуда выволочь. Магистрат, особенно Пятибашенный Замок, пронизан тайными ходами и лазами, о которых не знает ни стража, ни члены магистрата, но прекрасно знаем мы. Есть другая сложность: кто согласится заниматься этим делом? Деньги деньгами, но я не хочу, чтобы моего человека съел тролль. Если он потом съест вас – на здоровье. Но только не моего человека.

– Нам нужен только проводник, мы готовы пойти сами, почтенный Ларс.

– Так оно и будет, мальчик. И это будет вам стоить пятьсот ультов. Майтл!

Тощий телохранитель бесшумно появился из-за шторы.

– Майтл, эти богатые мальчики сегодня в полночь принесут сюда пятьсот улыбов. Если они это сделают, отведи их к Гропу, он будет знать, что к чему. Если не принесут... – Ларс прервался и внимательно посмотрел на Лори. – ...Если не принесут, то мы побеседуем с ними позже, главное, чтобы они никуда не делись. Проследи за этим. А ты, мальчик, подумай еще раз, с нами ты или не с нами. Другого раза у тебя может и не случиться...

Тильт. Опасное соседство

Пахнувший потом и кровью человек остановился в шаге от Тильта. Он тяжело дышал и бормотал что-то – кажется, ругался.

Тильт не видел, кто это. Он лежал, свернувшись, словно еж, спрятав лицо и руки, подбрав ноги. Он не мог ничего видеть.

Человек стоял в шаге от Тильта. Он сумел бы дотянуться до парнишки рукой.

Или мечом...

Предательски громко стучало сердце. Громко и гулко – словно барабан. Тильт зажимал его руками и боролся с соблазном поднять голову и посмотреть, кто это стоит рядом.

Ему казалось, что человек смотрит прямо на него.

Сквозь него.

Ему представлялось, что человек видит его. Видит, усмехается и дожидается момента, когда беглец наконец-то сообразит, что таиться бесполезно, глупо и смешно.

Тильту со страшной силой хотелось открыть глаза, поднять голову и убедиться, что все это не так, что это лишь шутки его воображения, что никто сейчас не смотрит в его сторону, никто его не видит, не замечает.

Но он не двигался. Терпел. Сдерживал взбесившееся сердце и пытался справиться с затопляющей разум паникой.

Со всех сторон доносились звуки скоротечных схваток. Но Тильт не замечал их. Он напряженно вслушивался в дыхание стоящего рядом человека.

Он пытался разобрать его бормотание.

Он молился всем известным богам, желая, чтобы человек этот убрался отсюда как можно скорей и как можно дальше.

Но боги, кажется, не слишком прислушивались к его мольбам.

– Проклятье, – вполне разборчиво буркнул человек и сдвинулся с места. Он чуть не наступил на Тильта, и парнишка, едва сдержав крик, вскинул голову и открыл глаза.

Человек опустил на четвереньки и медленно пятился, заползая в груды срубленных Тильтом веток. Взгляд его был прикован к чему-то, происходящему за деревьями. Он пока не замечал, что выбранное им укрытие занято.

Тильт немного подвинулся, еще надеясь на что-то – то ли на то, что человек этот окажется союзником и другом, то ли на то, что он вмиг испустит дух, обнаружив в яме еще одно живое существо.

– Что за Дран? – возмутился незнакомец, ткнувшись локтем в бок Тильта. И вскочил, спиной разметав сложенные ветки. – Что за?! – Блеснул занесенный над головой меч.

Тильт откатился в сторону, резко приподнялся и выбросил вперед руку с саблей, пытаясь ею дотянуться до противника.

Клинки сшиблись. Звенящая сабля улетела в кусты. Тильт, наверное, повернул бы голову, чтоб проследить ее полет, но в шею ему ткнулась холодная острая сталь.

– Не двигайся!.. Кто это тут у нас? Вот так чудо! Почтенный мастер!

Тильт не дышал.

– Как же так? Откуда? А в повозке тогда кто?..

Разбойник Ферб, помятый, побитый, заляпанный грязью и кровью, щерился, разглядывая обезоруженного беглеца.

– Ты тут один? Где остальные?

Тильт молчал.

– Как же ты распутался? Как исхитрился?..

Острие меча проткнуло кожу. Кровь тонкой горячей струйкой побежала Тильту на грудь.

– Чего молчишь, почтенный мастер, будто языка лишился? Или вправду – отрезали тебе язык?

Близкий шум заставил Ферба на миг оглянуться. Когда он вновь повернулся к Тильту, лицо его было серое и неподвижное, будто каменное.

– Ну-ко, мастер, двигайся. Да подгребви ветки-то. – Разбойник опустил меч, осмотрелся по сторонам. – Хорошую схоронку ты себе нашел. Надо же – я рядом стоял, а не увидел. Не заподозрил даже, что ты там!..

Ферб торопился. Он был напуган, хоть и старался этого не показывать.

Тильт, так ничего и не сказав, сгреб разбросанные ветки, сполз на дно ямки и скорчился.

– Не вздумай шуметь! – пригрозил Ферб, уstraиваясь рядом. – Вмиг выпотрошу, как куропатку. И бежать не пытайся. Некуда тебе бежать, молодой мастер...

Тильт о бегстве не помышлял. Слабость и апатия связали его надежней любых пут. Ему теперь все было безразлично, хотелось лишь уткнуться лицом в землю, вцепиться в нее скрюченными пальцами – и разрыдаться.

– Мы бежим, – прошептал Ферб. – Мы разбегаемся, словно вспугнутые перепелки... Слышишь меня, чернильная душа? Барон гонится за нами, будто за курицами. Хватает – и рубит. Хватает – и рубит... Курицы безмозглы. Но мы с тобой не куры, молодой мастер. Мы не будем бестолково метаться. Знаешь, что мы сделаем? Мыждемся удобного момента и вернемся назад. К повозке... Когда они пройдут мимо... Мы вернемся... И умчимся, прежде чем они что-то успеют понять... Слышишь меня, добрый мастер?... Слышишь ли?..

Тильт слышал. Но не отвечал.

А Ферб все говорил, все шептал без остановки...

Когда-то в этом лесу жило племя лесных людей. Не разбойников, которых тоже порой именовали «лесным человеком» – разбойники происходили из мест самых разных, собирались в чаще своими путями, эти же испокон веку жили здесь. Были они странные – заросшие, будто звери, молчаливые, словно рыбы. Держались особняком, никого к себе не подпускали, лишь детям из окрестных деревень позволяли ходить по лесу. С детьми же и договаривались, если нужно чего-то было: железные инструменты, хлеб или ткани. Договаривались без слов, мимикой и жестами. И только дети могли понять, что требуется лесным жителям и что дадут они взамен.

Обитали лесные люди в лесном городе. Был он обнесен высоким частоколом, возле тяжелых ворот высились два огромных кедра, к стволам которых тесно лепились помосты и лестницы. На самых макушках в больших круглых корзинах сидели остроглазые наблюдатели. И знающие люди поговаривали, что из этих плетеных гнезд весь лес виден, как на ладони.

Но однажды лесные люди пропали. Всезнающие дети рассказали, что лесной город опустел, что его ворота открыты, а на кедрах не заметно никакого движения. Долго не решались крестьяне входить в заповедный лес. Долго они ждали возвращения лесных людей.

И лесные люди вернулись. Только не те, что жили здесь прежде. Другие...

– Лучшего места нам было не найти, – тихо рассказывал Ферб, поглядывая по сторонам и прислушиваясь. – Только вот в лесном городе мы так и не прижились. Что-то нехорошее там чувствуется. Звуки разные ночью. И видится всякое... Ушли мы отсюда. Поселились рядом...

Кажется, Фербу было безразлично, слышит ли его Тильт. Разбойнику было не по себе. Особенно это было заметно, когда где-нибудь в стороне раздавались страшные крики умирающих – лицо Ферба бледнело, руки начинали дрожать, а бормотание делалось совсем уж неразборчивым.

Разговором он пытался успокоить себя.

Тильт видел похожих людей – они, даже положив голову на плаху, не переставали болтать. Несли всякую чушь, – им так легче было.

– ...Но было бы глупо никак не использовать этот город. И мы стали хранить там наше имущество. То, что удавалось раздобыть в походах. А еще мы решили, что город станет нашей крепостью, если случится нечто... нечто... подобное...

Сквозь кусты ломился кто-то, и Ферб умолк, сжался. Хлопнул пистоль. Бегущий человек вскрикнул, упал... Раненный умирал долго – Тильт и Ферб слушали его стоны, задыхались вместе с ним.

– Это был Щен... – чуть слышно сказал разбойник. – Они все бегут в крепость. Думают укрыться за частоколом. Да только это уже бесполезно. Нас слишком мало. Барон напал внезапно. Он прошел мимо ловушек, мимо выставленных постов. Он застал нас врасплох... О крепости, наверное, он тоже знает... Это всё Бондарь! Я уверен, это треклятый Бондарь!..

Ферб глухо закашлялся. От него тяжело пахло кровью – у Тильта этот запах вызывал тошноту и головокружение. Хотелось отодвинуться подальше, но колкое острие, упершееся в ребра, напоминало, что лучше этого не делать.

– Я еще вернусь... Хоть откуда... Хоть с того света... И ты, почтенный мастер, поможешь мне в этом... Готовься... Скоро... Они уходят, ты слышишь? Уходят – к городу лесных людей...

Действительно, шум отдалялся. Уцелевшие разбойники отступали, люди барона преследовали их.

– Пора, мастер. Поднимайся. Вставай!..

Меч пропорол одежду, вонзился в бок, словно шпора. Тильт охнул, с ненавистью глянул на своего мучителя.

– Шевелись! – прошипел Ферб, выпучив глаза. – Вперед! В повозку! Пора выбираться отсюда!..

Когда они пробежали мимо распростертого на земле Щена, Ферб наклонился и подхватил с земли небольшой арбалет. Тильт успел заметить это – а потом затылком чувствовал мертвенный холод нацеленной короткой стрелы, не смел оглянуться, и все боялся, что стрела сама сорвется с отполированного деревянного ложа и клонет его в спину, сшибая на землю, выбивая из груди пахнущий кровью воздух.

Он так напряженно ждал этого, что сам не заметил, как очутился в повозке.

– Вернулся, – удовлетворенно сказал кто-то из пленников.

Потом всхрапнули лошади, взвизгнули колеса – и сдвинувшийся лес исчез за упавшим пологом.

Гай. Подземное путешествие

– ...Ничего у нас не выйдет, – заключил Гай, когда приятели шли по пустынной ночной улице.

– Это еще почему?

– А пятьсот ультов ты на дороге найдешь? Я такой кучи денег сроду не видел.

– Положись на меня, – решительно сказал Лори. – Найду я пятьсот ультов.

– Украдешь, что ли?

– А то! У Одвина в каморке тайник есть, он туда денежки и прячет. Там не то что пятьсот, и вся тысяча наберется.

– погоди, – Гай остановился. – А дальше?

– А дальше, почтенный, нам придется ноги делать. Суди сам: Одвина обокрали, троллей выпустили, и Мотыга на меня глаз положил – нужен я ему в ночной армии... А я не хочу. Так что последний день мы с тобой завтра в Диле.

– Я так не согласен, – воспротивился Гай. – Я работу нашел, думал...

– А ты не думай, – перебил Лори. – Ты лучше сюда смотри: мне-то какая корысть? Я тоже при доме, при работе, не сахар, конечно, но жить можно. А тут ты со своими троллями, которых я и не знаю вовсе. Может, они меня завтра сожрут и косточки обгложут! Так что благодари, что я тебе помогать взялся, и не ной. И потом, знаешь, что Кармал Скиталец писал? «Не ропщи о странствиях, ибо в странствиях познается жизнь, постигаются знания и добывается счастье». Там дальше еще стихами было, но я стихи не помню... – смущенно закончил Лори.

– Ты что, читать умеешь?! – поразился Гай.

– Умею.

– А чего не говорил?

– А ты и не спрашивал. Ладно, пришли уже. Давай, что ли, спать... Жалко, пожевать ничего нету.

– Стой, стой... – Гай улегся на свою нехитрую постель, подвинув недовольно мурлыкнувшего Скратча. – А не получится так, что Мотыга у нас деньги просто отнимет, и все?

– Не получится. Он человек приличный, – отозвался Лори и почти тут же захрапел.

Вход в подземный лабиринт находился на берегу Салайны, на окраине Дила. Река, бурля, утекала за пределы города сквозь толстую стальную решетку. От воды тянуло сыростью, да и дождь, ливший весь день, усилился. Приятели промокли до нитки, и страх тоже далеко не согревал...

– Подержи, – велел Гроп, человек Мотыги, чем-то похожий на своего коллегу Упыря коротконогий нечистоплотный толстяк, передавая Гаю фонарь. Он углубился в густые заросли бузины, чем-то погремел там и позвал:

– Идите сюда.

Совсем маленькая дверца, вернее, прикрытый дубовой крышкой на петлях лаз, скрывался среди мусора и ветвей. Из открытой дыры пахло плесенью и мышами.

– Я первый, – сказал Гроп, принимая фонарь. – Вы за мной, последний пусть дверь на засов закроет, там есть.

Он встал на четвереньки и пополз внутрь, освещая себе путь. За ним поспешил Лори, следом – Гай. Он нашарил ржавое железо засова и задвинул его.

«Надо бы поторопиться, – подумал Гай, а то отстанешь, потеряешься...» Он резво побежал на карачках и уткнулся головой в костлявое седалище Лори.

– Ты аккуратнее, почтенный! – прошипел тот. – И башкой не стукнись, здесь потолок уж больно низкий.

Потолок из ветхого кирпича был мало того, что низкий, так еще и скользкий, покрытый толстым слоем лохматой белесой плесени. В тусклом, пляшущем свете фонаря плесень переливалась разными цветами. На каменном полу стояли холодные лужицы воды, и вскоре колени штанин Гая промокли насквозь. Несколько раз он больно стукнулся головой.

Лори, судя по его сдержанным ругательствам, тоже приходилось несладко. Толстяк Гроп, напротив, полз вперед довольно резво – видимо, знал здесь каждый уголок и выступ. По пути попадались ответвления – просто черные дыры в стенах и прикрытые железными решетками дверцы, но пока дорога вела прямо. В темноте ответвлений кто-то копошился, злобно попискивал, с топотком убежал. Наверно, крысы, неуверенно подумал Гай. Мысли о том, кто еще мог поселиться в древнем подземелье, он отогнал прочь.

– Тролли-то твои пролезут тут? – спросил Лори, не оборачиваясь. – Здоровые ведь.

– Пролезут, – ответил Гай, хотя сейчас совершенно не был в этом уверен.

– Тише говорите, – недовольно просипел Гроп, замедлив ход. – Сверху услышать могут.

Дальше они молчали. Когда Гай подумал, что они заблудились и никогда уже не выберутся из отвратительного заплесневевшего туннеля, Гроп остановился и пробормотал:

– Где-то должна быть крышка. Ищите.

Гай пошарил руками по потолку, который здесь оказался несколько выше, и под жирно-холодными фестонами плесени нащупал железо.

– Нашел, – прошептал он.

– Толкаем вверх, только осторожно! – предупредил Гроп. Они уперлись плечами в крышку и поднатужились. Со скрипом крышка подалась, приподнялась на несколько ладоней. Гроп осторожно выглянул наружу.

– Тихо. Никого, – сообщил он. – Вылезаем, только не шуметь!

Ободрав ладони и спину о ржавый край люка, Гай вслед за толстяком и Лори выбрался наружу. Они оказались в пустом пыльном коридоре, свет в который проникал сквозь узкие щели под самым потолком.

– Пятибашенный Замок, – объяснил Гроп, погасив фонарь. – Нижний ярус. Это пустые коридоры и комнаты, ничего тут нет, но смотрите, чтобы не услышала стража. Тролли ваши сидят в подвале, в подвал попасть сложнее. Посмотрим, что там стража делает...

Они прокрались по коридору, бесшумно ступая по каменным плитам. Впереди забрезжил свет, донеслись голоса.

– Ждите тут, – велел Гроп и исчез в темноте.

Приятели уселись прямо на пол. Гай обхватил руками колени; он дрожал от холода и волнения. Лори выглядел не лучше.

– Если толстого поймут, – прошептал он, – надо сразу в дырку нырять и назад. Дорогу запомнил?

– А что там запоминать, все прямо... – прошептал в ответ Гай.

– Может, и выберемся. Ой, не вовремя я с тобой познакомился, почтенный писец! – в полумраке сверкнула белозубая улыбка Лори.

Гроп вернулся так же бесшумно, как и исчез.

– Два стражника, не спят, – сказал он, присаживаясь рядом. – Сюда никто не придет, посидим, подождем, пока уснут.

– А потом что? – не понял Гай.

– А потом – кр-р-р-х! – Гроп провел ладонью по грязной жирной шее.

– Да стражники ж ни при чем! – взволнованно зашептал Гай. – А нельзя как-нибудь их...

Оглушить, что ли...

– Оглушить нельзя, – серьезно ответил Гроп. – Возись с вами... Деньги уплачены, ты что ж думал, за просто так? Буду я подставляться и добрых людей подставлять? И что тебе со стражников, а? Ну, прирежем пару, так их вон сколько. Спасибо люди скажут, опять же два

места в страже освободится, может, какой хороший нужный человек устроится. А то пошли назад, пусть твоих приятелей обдирают. Чего тебе с них проку-то?

– Нет, – покачал головой Гай, вспомнив затравленные взгляды Борра и Хнаварта, когда их везли на телеге. – Раз иначе нельзя, пусть так и будет...

Ждать пришлось недолго. Гай чуть-чуть обсох и начал дремать, когда толстяк вторично сходил на разведку и, вернувшись, поведал, что оба стражника готовятся ко сну.

Так оно и было. Положив головы на небольшой стол, стражники тихонько похрапывали. Большой кувшин под столом подсказывал, что сморила их не только усталость.

Гроп знал свое дело. Несмотря на кажущуюся грузность и неповоротливость, он метнулся к дремлющим стражникам молнией, выхватив из-за пояса два кривых кинжала. Они вошли в шею стражников с неприятным хрустом, забулькала кровь. Два тела мягко повалились на пол, Гроп придержал их, чтобы не гремели панцирями. Гай смотрел на действия бойца ночной армии с ужасом, Лори – с восхищением.

– Вот и все, – просипел толстяк, скалясь. Лори проскользнул мимо упавших стражников и подхватил со стола тяжелую связку ключей.

– Я вас у люка подожду, – сказал Гроп, срезая с пояса ближнего стражника кошель. – Если вас долго не будет – значит, тролли сожрали, уйду. Так что не копайтесь.

Лори уже отпер главную дверь и знаками показывал Гаю, что нужно идти. Обогнув лужу крови, Гай с фонарем в руке последовал за ним.

– Знать бы, за какой дверью, – бормотал Лори, брэнча связкой. – Не всех же выпускать... Гляди в глазки, где там твои приятели зубастые...

Гай заглядывал в прорезанные в железе отверстия, но практически ничего не видел в царящей за ними темноте. Нет, так ничего не найдешь... Тогда его осенило. Вполголоса, так, чтобы в камерах было слышно, он позвал:

– Почтенный Борр! Почтенный Хнаварт!

За крайней справа дверью что-то залязгало.

– Почтенный Борр! Почтенный Хнаварт! – повторил Гай.

– Это кто там зовет? – раздался в ответ авальдский говор.

– Это я, почтенные! Человек, которого вы поймали на днях в лесу!

Лори уже подбирал ключ.

– Слушай, Хнаварт, это человек, – сказали за дверью.

– Человек, Борр.

– Пришел. Помнишь этого человека? Мы взяли у него человеческую еду и хороший нож.

– Помню, Борр. Хороший нож. И он меня называл «почтенный Хнаварт». Больше меня никто так не называл. Хороший человек.

Лори распахнул дверь и отскочил в сторону, словно ожидал, что тролли тут же бросятся на него изнутри. Но никто не бросался. Гай вошел в камеру и зажег фонарь.

Тролли сидели на скудной соломенной подстилке. Рядом в корыте воняли какие-то объедки – очевидно, ужин. Борр и Хнаварт были скованы вместе толстой цепью, на ней болтался увесистый замок. Оба таращились на Гаю, то ли не в силах понять происшедшее, то ли ослепленные неожиданным ярким светом.

– Лори, дай ключи, – позвал Гай, не оборачиваясь. – Надо цепь разомкнуть.

– Лови, – донеслось из коридора, и связка упала на солому возле ног Гаю. – Внутрь не пойду, еще сожрут. Я тебя у двери подожду, и покараулю заодно.

– Человек хочет открыть замок, – пояснил Борр соплеменнику. – Хочет нас отпустить.

– Человек не может отпустить, – возразил тот. – Другие люди, они нас поймали, били. Сломали мне зуб, вот.

– Этот человек хороший, не такой, – предположил Борр. Гай тем временем нашел подходящий ключ и открыл замок. Тролли принялись отряхивать с себя цепи, потом Хनावарт спросил:

– Что нам делать дальше, человек?

– Поидете со мной, – сказал Гай. – Я выведу вас наружу, а потом – из города.

– Правильно мы не стали есть человека, – заметил Хनावарт, трогая свой сломанный клык.

– А я что говорил, – согласился Борр. Они затопали вслед за Гаем по коридору.

Лори выглянул из-за угла, присвистнул и сказал:

– Ну и ну. Я пошел к Гропу, мы поползем впереди. Не хочу рядом с вами.

– Человек глупый, – сказал Борр. – Человек думает, Борр и Хनावарт его съедят.

– Сам ты глупый, образина! Ишь ты, по-людски еще разговаривает... – обиделся Лори, оказывается, понимавший авальдский. – И ничего я не думаю. Пошли скорее, пока никто не пришел!

Гроп при виде процессии нырнул в люк и оттуда глухо сказал:

– Я впереди поползу, по свету за мной следите. Да не выкидывайте никаких штук, а то брошу в туннеле, и все тут.

За Гропом поспешил Лори.

– Тоже боится, – прошептал Борр. Шепот тролля походил на отдаленный грохот горного обвала. Кряхтя, тролли полезли в дыру; завершал шествие снова Гай. Он задвинул крышку, как мог, и двинулся следом.

Тролли сопели и пытели – им было тесно. К тому же от обоих неприятно пахло псиной, гораздо хуже, чем при первой встрече, так что Гай старался дышать ртом. Тем не менее, обратная дорога почему-то показалась значительно короче.

Когда все выбрались и расселись среди бузины, Гроп, предусмотрительно державшийся в стороне, запер люк, замаскировал его, как было, и сообщил:

– Ну, я свое дело сделал, я пошел.

И потопал по берегу Салайны. Тролли проводили его взглядом, и Хनावарт заметил:

– Злой человек. Плохой.

– Какой есть, такой и есть, – пробурчал Лори. Он делал вид, что не боится, и сидел совсем близко, но Гай видел, что приятель готов в любую минуту кинуться прочь. – Если бы не он, вы бы и сейчас там сидели, на гнилой соломе... Поидем, что ли? Еще дел по горло, надо вас из города вывести...

Не переставая ворчать и не оглядываясь, маленький конюший пошел по тропинке. И тут же врезался в чью-то жесткую грудь.

Лори пискнул и отскочил назад, как заяц, но сильная рука уже ухватила его за шиворот.

– Пусти! Пусти, укушу! – заверещал Лори.

– Кусаться нехорошо, маленький жулик, – наставительно сказал знакомый голос. Подбежавший на визг приятеля Гай в сопровождении гулко топавших троллей остановился: маленький конюший болтался в руке Гриффа.

– Почтенный Грифф?! – удивился Гай. Лори затих и висел, покачиваясь.

– Почтенные тролли? – удивился Грифф, выпуская свой улов. Он не выказал испуга, не потянулся к рукояти меча. Борр и Хनावарт стояли, не зная, что делать, и Гай поспешил успокоить их:

– Это – свой.

– Разумеется, – сказал Грифф и добавил что-то на неизвестном Гаю и достаточно неблагозвучном языке. Тролли оживились и забормотали в ответ.

– Чего это он? – прошептал Лори, поправляя растянутый ворот. – По-ихнему, что-ли, лопочет?

– Ага. По-нашему, – отозвался вместо Гая Борр. – Умный какой человек: понимает настоящую Речь! Первый раз такого вижу. Правда, Хनावарт?

– Я так соображаю, – сказал Грифф, обращаясь к приятелям, – это и есть те самые тролли, которых поймали на днях? Я-то думал, их уже прикончили, а оно вон как... Вы, что ль, выручили?

– Мы! – гордо сказал Лори, выступая вперед.

– Вот и славно. А я как раз собираюсь спешно покинуть этот приятный городишко. Не соблаговолят ли почтенные тролли составить мне компанию в дороге?

– Соблаговолим, – с трудом выговорил Хनावарт.

– И мы тоже соблаговолим, – сказал Гай, кашлянув. – Нам, почтенный Грифф, тоже деваться некуда. Вот Лори, он у отчима деньги украл, чтобы троллей выкупить. А я, понятно, с ним...

– Отряд растет на глазах! – засмеялся Грифф. – Что ж, надеюсь, все ваши пожитки в сборе. Давайте же выбираться из города. Очень уж странная у нас компания...

– А как же кот? – спросил Лори встревоженно. – Я кота забыл! Подождите меня чуть-чуть, а? Я сбегаю.

– Этого рыжего, что ли? – Грифф стряхнул с плеча котомку и распустил узел. Из горловины тут же высунулся сонный Скратч и приветственно мяукнул.

– А он как сюда попал? – поразился Лори.

– Увязался за мной, я его и посадил в мешок. Знал, видать, зверь, что тебя повстречает. А может, подслушал...

Гай посмотрел на кота, и ему показалось, что тот самым хитрым образом подмигнул.

Тильт. Дорога в Город-Плаксу

Железные подковы рвали землю. Стонущая повозка прыгала на мягких ухабах, дробила колесами попадающиеся сучья. Ветки деревьев смачно шлепали по провисшему тенту, осыпая его яркими листьями. Будто деревянные шарики в костяной погремушке прыгали и катались внутри фургона пленники.

Преследователи остались позади – у одного в груди засел арбалетный болт, другой, попав под копыта, скорчился в траве, у третьего от мощного удара лопнул череп.

Больше желающих остановить несущуюся повозку не нашлось. Только оказавшийся неподалеку лучник успел выпустить несколько стрел беглецам вдогонку – но никого не задел.

Ферб, привстав на козлах, пронзительно свистел, хохотал, ругался и улюлюкал, шелкая длинным кнутом над лошадиными спинами. Время от времени он оборачивался, заглядывал внутрь фургона, подмигивал пленникам и орал:

– Ушли! Ушли ведь! А!..

Они промчались мимо огромного черного дуба, на нижних ветвях которого висели вздернутые разбойники. Несколько утыканных стрелами и выпотрошенных тел лежали возле корней. За деревьями что-то горело – серый тяжелый дым низко стелился по земле.

Лошади выбивались из сил, и Ферб позволил им сбавить ход. Повозка перестала дрожать и пошла заметно ровней, хотя находящимся внутри пленникам и сейчас приходилось несладко. Белобрысого парнишку рвало; бородатый старик при каждом резком толчке шипел от боли; худой, простецкого вида мужичок хлюпал разбитым носом. Тильту досталось меньше остальных, поскольку он не был связан. Он лишь слегка потянул левую руку, да ушиб колено.

– Эй, почтенные мастера, как вы там? – разбойник Ферб, откинув рваную холстину, оглядел пленников. – Никто не сбежал, не вывалился? Стрелой никого не достали?

Со стрелами вроде бы пронесло. Сбежать из бешено несущейся телеги было невозможно. А вот вывалиться – запросто.

– Ползи сюда, почтенный мастер, – тяжелый взгляд Ферба остановился на Тильте. – Залезай ко мне.

Прямого приказа Тильт послушаться не посмел. Перекатился вперед, вцепился в шершавую доску, приподнялся, перелез через нее, встал на ноги, крепко держась за низкую балку. Осторожно забрался на широкие козлы, обтянутые овчиной.

– Править умеешь? Тогда бери вожжи, – велел Ферб. – Держи прямо. Скоро увидишь развилку – там надо будет свернуть влево. Понятно?

Тильт кивнул. И мысленно выругался. Он дал себе зарок не разговаривать с разбойником, ни о чем его не спрашивать и не отвечать на его вопросы.

Кивок же можно было расценить как ответ.

Тем не менее, вожжи Тильт принял и ссутулился, стараясь не замечать сидящего рядом Ферба, глядя только на лоснящиеся конские зады и бегущую меж оглоблей землю. Некоторое время разбойник с интересом изучал надувшегося, словно сыч, паренька, потом хмыкнул, плюнул далеко в сторону, и, отвернувшись, буркнул:

– Потерпи, мастер. Немного осталось. Скоро уж расстанемся...

Развилку Тильт чуть не пропустил. И не мудрено: проторенную дорогу-то едва видно было, что уж говорить о давно не езденой тропе, круто сворачивающей в чащобу.

– Говорил же – налево тут! – перехватил вожжи Ферб. – Бестолковый ты, хоть и грамотный!

Всё плотней смыкались над фургоном ветви, всё ниже они опускались, всё тесней вставали стволы деревьев, и казалось, что повозка забирается в такую чашу, из которой не вернуться и за несколько дней пути.

Но к вечеру, когда в небо поднялась луна, а солнце еще не опустилось за горизонт, лес внезапно кончился.

Дальнейший путь пролегал по местам открытым, обитаемым и тихим. Небольшие деревеньки лепились к наезженным дорогам, нанизывались на них, будто бусины на нить. Деревень было много – и были они неотличимы одна от другой: те же некрашенные дома, кривые сараи да плетеные изгороди; одинаково одетые прохожие, прячущие лица, крикливые гуси, ленивые облезлые псы, выкусывающие блох. За селениями долго тянулись голые, давно убранные поля. Будто огромные валуны стояли на мертвых лугах смётанные стога, вылизанные дождями да ветрами.

На перекрестках встречались трактиры. В них было куда больше жизни, нежели в сонных деревнях. Жёлто теплились слюдяные окошки, печные трубы выплевывали в темнеющее небо снопы искр, стучали, взвизгивали двери, на один голос ржали люди и лошади.

– Подгоняй! – требовал Ферб каждый раз, когда впереди показывалось очередное питейное заведение или постоялый двор. И словно невзначай поправлял висящий на боку меч и гладил рукой ложе взведенного арбалета.

Когда стало совсем темно, Ферб велел Тильту остановить лошадей. У паренька ёкнуло сердце – очень уж тихое место выбрал разбойник для остановки; тихое и жуткое: на краю заполненного тьмой оврага, возле искореженной ветлы, похожей на сказочного морского спрута, раскинувшего над собой тысячи когтистых щупалец.

– Слезай, – велел Тильту Ферб, и первым спрыгнул на землю. Его меч зловеще лязгнул. – Прыгай, не бойся... Повернись... Руки за спину...

На этот раз Тильт не пытался хитрить. Он стоял, уперевшись лбом в телегу, и терпеливо ждал, пока разбойник закончит его вязать.

– А теперь, ну-ко... – Ферб подхватил Тильта под мышки, подвинул его вправо, приподнял. – Давай, забирайся на место, устраивайся...

Солома оцарапала лицо, уколола губы, труха защекотала ноздри. Тильт извернулся, несколько раз чихнул, сплюнул.

– Теснее, теснее, почтенные мастера, – забормотал Ферб, пихая пленников, собирая их вместе. – Помните, что я говорил? Двигайтесь сюда, под рогожу. Город скоро. И не вздумайте шевелиться, я за вами присматривать буду. Даже не надейтесь, что сумеете меня провести. Первого, кто двинется или голос подаст – я стрелой одарю. До остальных клинком дотянусь. Успею, можете не сомневаться... Потом, может, и мне голову снимут, ну да вам-то уже без разницы будет, а вы люди умные, свою выгоду всяко должны понимать.

Устроив пленников, разбойник тихо отступил на шаг и замер. Он долго стоял, ничем не выдавая своего близкого присутствия, и с интересом ждал, решится ли кто из писцов подать голос или шевельнуться.

Они лежали будто поленья.

Ферб удовлетворенно кивнул, кашлянул в кулак, легонько стукнул клинком о колесо.

– Ну, вот и хорошо, вот и славно.

Сказав так, он забрался на козлы, отложил арбалет и взял вожжи.

...Пахло морем. Аромат едва угадывался, но Ферб, сын рыбака, безошибочно выделял его среди прочих ночных запахов. Смутно вспоминалось детство: прыгающая на свинцовых волнах лодка, отец, вытягивающий тяжелую сеть, трепыхающаяся рыба, водоросли, похожие на спутанные волосы...

– Н-но! – сердито крикнул Ферб и хлестнул длинными вожжами конские спины.

Повозка качнулась, будто лодка. Заскрипела знакомо, привычно.

Не самый удачный выдался день. Но вот он – улов. За спиной, в соломе, укрыт рогожей. Как полагается. Теперь надо доставить его на место. И найти покупателя.

Вернее, заказчика...

Рыжая луна купалась в облаках, медленно плыла, преследуя повозку. Ферб поглядывал на нее – больше смотреть было не на что. Скучно тянулось среди темных равнин дорога, взгляду не на чем было остановиться, лишь изредка словно призраки выступали из тьмы белые дорожные столбы, угрюмо встречали припозднившихся путников и уходили назад – во тьму...

О том, что город близко, Тильт понял, когда повозка пошла жестче, а копыта лошадей защелкали по мостовому камню. Ему захотелось поделиться открытием с соседями, но он счел за благо промолчать, хоть и был уверен, что правящий лошадьми Ферб ничего не услышит.

Странное это было путешествие. Четыре человека лежали тесно, страдая от неподвижности, но не решаясь пошевелиться. Они могли бы переговариваться шепотом – но не смели и вздохнуть. Спать, как советовал Ферб, не хотелось – стоило закрыть глаза, как в черноте начинали мельтешить жуткие картины... Общее несчастье свело их вместе, оно могло объединить их, сделать если не друзьями, так товарищами – а они боялись не только стерегущего их разбойника, но и друг друга, и даже себя.

Стараясь отвлечься, Тильт представлял, что стал бы делать на его месте какой-нибудь героический воин. Картины рисовались самые захватывающие – такие, что хотелось взяться за перо. Тильт описывал подвиги воображаемого героя, складывая в уме предложения и надеясь, что когда-нибудь сумеет перенести их на бумагу. Некоторые фразы получались особенно удачными, и он пытался заучить их наизусть. Жалко было терять такие находки.

– Въезжаем, – вдруг напомнил о себе Ферб. – Будьте послушны, и мы все останемся живы.

Тильт уже догадывался, что разбойник везет их в Йельтер – небольшой портовый город, известный прежде всего своим невольничьим рынком. Догадка его превратилась в уверенность, когда он услышал колокольный звон.

Колокола были второй достопримечательностью Йельтера. Эти голоса было сложно не узнать. Именно из-за их стонов и неприятного дребезга заезжие острословы прозвали Йельтер Городом-Плаксой.

Впрочем, еще и потому, что здесь был крупный невольничий рынок...

Повозка сбавила ход и вскоре совсем остановилась.

– Кто такой? – прозвучал грозный голос, и у Тильта в голове тут же возник образ могучего стража, охраняющего городские ворота. Был этот образ бородат и непомерно широкоплеч. В одной руке он держал массивную алебарду, в другой – блистающий круглый щит.

– Из Печевиц я. Фестилом меня кличут, – ответил Ферб. В голосе его слышались смиренное почтение и подобострастие. Тильт поразился перемене, случившейся с разбойником, и лишь через секунду понял, что тот дурачится, словно ярмарочный шут.

– Куда едешь?

– Так рыбак же я. За сетями еду. Старые сети уже ни на что не годны, рвутся, что паутина, а я слышал, лучших сетей, чем у вас здесь, никто не плетет, вот и решил, что надо мне...

– Что это там рядом с тобой?

– Это? Так самострел же! Я было хотел пистоль купить, да дороговато оказалось, и напугали меня, что он сам пальнуть может, если не так что делать. Вот и решил я тогда самострел взять. Сами знаете, дороги сейчас опасные, а мне ведь из самых Печевиц ехать, вот я и надумал, значит, на всякий случай...

– Ладно, проезжай!

Тильт выдохнул.

Закричать? Задергаться?

Сколько там стражников? Может, успеют схватить бандита? Услышат шум, увидят, как смиренный рыбак ловко подхватывает арбалет, может, и меч заметят, сообразят, что к чему, накинута...

Ну, а если нет?

Если не успеют?

– Давай быстрее, Фестил из Печевиц! Не загораживай ворота!

– Конечно, господин, конечно. Извиняйте, замешкался.

Фургон дернулся. Зацокали копыта. Кто-то – Тильт не сомневался, что это был широкоплечий бородатый страж – хлопнул рукой по борту повозки. И тотчас обернувшийся Ферб холодно и тихо предостерег:

– Не глумите...

Больше их не останавливали. Лишь несколько раз какие-то люди приветливо здоровались с Фербом, интересовались, откуда он прибыл, и спрашивали, не слышал ли почтенный рыбак новостей о выступившем в поход бароне и обосновавшихся в лесах разбойниках. Ферб спокойно отвечал, что в придорожных трактирах поговаривают всякое, но доверия таким слухам не может быть никакого. Сам же он барона не видел. Не видел, хвала богам, и разбойников. Потому сказать ему вовсе нечего.

– Будьте здоровы, – завершал свою короткую речь Ферб, и повозка двигалась дальше.

Дальше – по направлению к невольничьему рынку, как догадывался Тильт. И эта догадка совсем его не радовала. С нарастающей тревогой вслушивался он в окружающие звуки, ожидая услышать причитания и стоны рабов, окрики торговцев, щелчки плеток и унылое звяканье кандалов. Ему не доводилось бывать на площадях, где торговали живым товаром, но он не сомневался, что в местах этих обязательно должны быть клетки, набитые измученными людьми, помосты, похожие на эшафоты, измазанные кровью столбы с цепями и пропахшие мочой ямы, накрытые железными решетками.

Наверное, он сильно удивился бы, если бы увидел, как на самом деле выглядит невольничий рынок.

Но не довелось.

Повозка остановилась в тихом месте, где гулял пахнувший солью ветер, где кричали чайки, и вода тяжело плескалась меж свай. Если поблизости и находились люди, то они ничем себя не выдавали.

Шло время, но ничего не происходило. Тильт впал в странное оцепенение: он вроде бы спал, но сон его был тесно связан с реальностью. Он слышал, как Ферб насвистывает какую-то песенку, слышал, как лошади переступают копытами, как поскрипывает упряжь; он чувствовал, как дышат соседи, ощущал запахи близкого моря, старой соломы, конского пота... И на все это наслаивались странные видения, нечеткие обрывочные картины.

Клубящаяся туманом бездна.

Скалы, тонущие в земле.

Тень, грызущая камень.

Рвущиеся в небо языки огня.

И кровь...

Видения повторялись, перемешивались; низкий гул забивал голову; пронзительный свист резал слух; копыта дробили камень; рыдали колокола; стонало море...

– Ты приехал рано...

Бесформенная тень выдохнула горячий туман.

– Я торопился. Я знал, что найду вас здесь. Пусть даже и раньше срока.

Блестящее лезвие, формой похожее на тополиный лист, взрезало вену.

– Мы знали, что ты можешь появиться раньше. Они у тебя?

Черная кровь плеснула на желтый пергамент.

– Да. Четыре человека. Все писцы.

Вздрогнула – и рассыпалась огромная гора.

– Хорошо. Надеюсь, среди них есть тот, кто подойдет нам.

- Но я думал, вам нужны все.
- Не волнуйся, мы заплатим за каждого.
- Как договаривались?
- Да.

Тильт вдруг понял, что разговор происходит вне его видений, – и очнулся. Боль ударила в голову, виски словно раскаленными гвоздями пронзило – он застонал, дернулся, забыв о предостережении разбойника, о заряженном арбалете и об остром мече.

– Что это там? С ними все в порядке?

– Должно быть, да. Я не проверял.

– Ты понимаешь, что нам нужны здоровые люди? Не калеки. Мы не заплатим тебе за калек.

– Там нет калек.

– Хорошо, посмотрим.

Хлопнул тяжелый полог. Сползла присыпанная соломой рогожа. Кто-то крепко ухватил Тильта за ноги, потянул к себе.

– Помоги, не стой столбом.

– Конечно...

Его перевернули на спину, шлепнули по щеке, сильно встряхнули.

– Просыпайся, почтенный мастер.

Тильт открыл глаза – и едва не закричал.

Гай. Побег из Дила

Ночная стража появилась неожиданно, как и положено хорошей ночной страже. Патруль из пяти человек застал компанию в тот самый момент, когда Грифф, стоя по колено в воде, перепиливал последний прут решетки.

– Эт-та что еще?! – гаркнул старший патруля, размахивая топором. – Решетку пилить? Кто такие?

– Ну вот, – сказал Грифф, бросая пилку на берег. – Я, два измученных тролля да двое мальчишек против пятерых здоровенных мужиков. А завтра они будут рассказывать, что нас было тоже пятеро. А то и соврут, увеличат вдвое...

Гай нашарил на поясе свой нож, понимая, что против топоров патруля он все равно что палочка для чистки зубов. Скратч высунул голову из мешка и зашипел. Лори вообще не был вооружен, а вот тролли приободрились. Возможность небольшой разминки после отсидки в подвале явно им понравилась. Хनावарт подхватил с земли длинную корягу, а Борр оскалил клыки и зарычал.

– Мамочка моя, тролли, – оторопело сказал один из стражников, отступая за спины соратников.

– Не иначе, те, что в подвале сидели, – предположил старший, продолжая крутить топором. Преображение двух безобидных с виду, пусть и здоровенных, оборванцев в опасных и страшных троллей смутило патрульных.

– Ну, что? – с беззаботным видом спросил Грифф, легко отгибая перепиленный прут. – Может, отпустите нас, почтенные? Скажете, ничего не видели. И вам спокойнее, и нам хлопот меньше. А то мы ведь так просто не сдадимся.

Борр подтвердил слова Гриффа утробным рычанием, а Хनावарт подкинул в лапе свою дубину.

Стражники шепотом посоветовались, и старший с сомнением спросил:

– А ну как мы вас полоним да нам награду дадут? Эвона: тролли беглые, решетка попилена...

– Ты еще до той награды доживи, почтенный, – посоветовал Грифф, кладя ладонь на рукоять меча.

– Не, – решительно заключил стражник, оказавшийся человеком не самого робкого десятка, а может, просто убоившись начальства и возжаждав награды. – Давай биться.

– Биться тебе... Ну, сами напросились, – развел руками Грифф и обернулся к Гаю и Лори: – А вы давайте вылезайте, мы тут сами разберемся.

Стражники явно было обучены брать не умением, а числом. И то верно: в Диле их основной заботой было разнимать пьяные драки в кабаках да ходить дозором по улицам, выслеживая неумелых грабителей. Рассыпавшись в нестройную цепь, они бросились в воду, вздымая брызги. Гай и Лори проскользнули в отверстие решетки, но далеко убежать не стали, решив понаблюдать за ходом сражения.

А сражения никакого и не было. Свистнула дубина Хनावарта, сбивая сразу троих патрульных, Борр ухватил за бока еще одного подбежавшего стражника, увернувшись от неуклюже блеснувшего топора. Стражник истошно заверещал, решив, видимо, что тут-то тролль его непременно съест.

Гриффу достался старший, который явно имел навыки обращения с топором, но в основном как с инструментом для рубки дров. Два удара Грифф лениво парировал, а потом просто обрубил топорнице.

– Плохие люди, – прорычал Борр, отбрасывая не перестававшего верещать стражника в сторону. Тот упал в кусты и там притих, радуясь такому легкому исходу. Трое остальных,

оглушенные дубиной, ворочались в воде, пытаясь встать и помогая друг другу, а старший недоуменно вертел в руках обрубок топорика.

– Ну... стало быть... Идите, что ли, – нерешительно проговорил он.

– Да уж пойдем, – кивнул Грифф. – И не вздумайте погоню снаряжать, а то ведь поймают нас – молчать не станем, расскажем в магистрате, какие вы умельцы.

– Да оно-то верно, – понурил голову старший.

– И вот еще что, – продолжал Грифф, убирая меч в ножны. – Не ровен час тралланы придут, а вы тут со своими топорами, как лесники... Подумайте, как город защищать.

Он пропустил вперед троллей и выбрался наружу.

Так они покинули Дил.

Выбравшись из мелководной Салайны шагов через двести, беглецы поднялись по каменистому пологому берегу к Южному Тракту. Зыбкий диск луны то и дело закрывали тучи, дул холодный ветер, и Гай тут же продрог в мокрой одежде.

– Пробежимся, – велел Грифф. – И согреетесь, и уйдем подальше.

С этими словами он рванул с места. За ним устремились тролли, следом – Гай и Лори.

Грифф бежал легко и беззвучно, тролли пытели и топали. Лори, шумно переводя дух, поправил на бегу заплечную сумку и пожаловался:

– Царапается, Дран его раздери. Да не бросать же кота на погибель. Одвин давно целился из него чепец на зиму сделать... Да он нам не помеха, он умный. Сам себя прокормит, еще и нам принесет. Видишь, Грифф говорит, подслушал... Распусти-ка горловину, пусть подышит.

Гай пристроился сзади и развязал ремешок. Кот тут же высунул в отверстие голову и вытаращил глазищи.

Первыми выдохлись, как ни странно, тролли. Хनावарт внезапно остановился посреди дороги и заявил, сопя:

– Хनावарт устал. Хनावарт будет отдыхать.

– Борр тоже устал, – поддакнул второй тролль.

Проскочивший вперед Грифф был вынужден вернуться.

– Ладно, – сказал он. – Пойдем потихоньку, но с дороги свернем...

Южный Тракт, словно стрела, рассекал могучий хвойный лес. Грифф вел отряд параллельно Тракту, держа его в пределах видимости: вряд ли за ними пошлют погоню, но и топтать посередине проезжей дороги в компании двух здоровенных троллей тоже как-то не с руки.

Впрочем, идти по лесу было легко и приятно. Особенно радовались тролли, выбравшиеся из неуютного и нелюбимого ими города. Хनावарт даже гнусавил на ходу какую-то троллью песенку. Когда Гай украдкой попросил Гриффа перевести, о чем поет Хनावарт, тот улыбнулся и сказал:

– Вообще-то песня про любовь.

Гай допускал, что у троллей тоже может быть любовь, но клыкастая физиономия Хनावарта с ужасом заставляла подумать о том, какая у него может быть возлюбленная...

– Почтенный Грифф, а куда мы, собственно, идем? – спросил Лори, поглаживая кота, который давно уже выбрался из сумки и теперь сидел у хозяина на плече.

– Не зови меня почтенным, маленький жулик, – строго сказал Грифф. – Все мы тут обычные преступники, которым место на костре или виселице. А если серьезно, то какие между друзьями титулы и славословия? Пусть уж я буду просто Грифф, ты – маленький жулик, а твой приятель – маленький мастер. Надеюсь, вы не против?

– Да что уж, – почему-то засмутился Лори.

– Ну и чудно. А идем мы, маленький жулик, в город Гарду.

– В Гарду? – обрадовался Гай. – Никогда не был в Гарде! Вот здорово-то!

– Ничего здорового, город как город, – пожал плечами Лори. – И что мы там будем делать, в Гарде? Или своих оборванцев там мало? Да еще с троллями...

– Гарда – город южный, портовый, торговый, – терпеливо сказал Грифф, срубая мечом нависшую над тропинкой сухую ветвь. – Там затеряться легко, работу найти – тоже несложно, а троллей мы приоденем и станут они у нас заморские гости. Или звери – как уж получится. В Гарде какого только народу нет, троллями там никого не удивишь, маленький жулик. Там правила попроще, это у вас понавыдумывали – гномов не пускать, гоблинов обдирать... Кстати, и по карманам шарить там куда как сподручней, чем в Диле.

– Ну, с карманами я перестал, – буркнул Лори. – Было б мне это надо – остался б в Диле, при Мотыге, глядишь, уважаемым человеком сделался бы, богатым...

– Богатым – может быть. Но уважаемым – вряд ли... А то прирезали бы тебя, милого, да в канаву, – серьезно заметил Грифф. – Насчет карманов извини, пошутил я. Лучше и не пробуй. С виду оно легко, народу там много, но если поймают – считай, без руки остался. И стража не вашим дуболомам чета.

Хнаварт прервал песню и спросил:

– Человек Грифф, а скоро есть будем?

– Все бы вам есть, – усмехнулся Грифф. – Ой, отрядец у меня: двое детей, кот-проньера да двое троллей, которые те же дети... Вот до Покоса дойдем, там и есть будем...

Они удалились довольно далеко от тракта, петляя по одному Гриффу ведомым тропинкам. Гаю было страшно вато, кот спрятался обратно в свой мешок и вроде бы заснул, а тролли ковыляли, мимоходом обирая с высокого кустарника мелкие желтые ягодки и набивая ими пасти.

– Это вкусно? – осведомился Лори, облизываясь.

– Для троллей вкусно, а ты ноги протянешь, маленький жулик, – ответил Грифф, срубая кинжалом колючую ветку, простершуюся над тропой. – Зато ими можно сухие мозоли лечить.

– Нету у меня мозолей, – буркнул Лори.

– Вот и видно, что в армии ты не служил...

Когда Гай понял, что устал – и от переживаний, и от долгого пути – отряд неожиданно остановился, потому что остановился шедший во главе колонны Грифф.

– Гнилой Покос, – сказал он, вприщур глядя на расстилавшееся перед путниками желто-зеленое месиво, из которого торчали редкие кустики и чахлые деревца. В холодных лучах восходящего солнца оно выглядело особенно неприятно.

Тильт. Испытание

У человека, склонившегося над пленниками, не было век, носа и части нижней губы. Он был совершенно лыс. Его красные больные глаза слезились; взгляд их был холоден и бездушен – будто глаза эти принадлежали слепой рептилии.

– Слишком дряхл, – проговорил страшный человек, глядя на бородатого, сморщенного лицом старика. – Уж лучше бы он был калекой. Денег за него ты не получишь.

Ферб досадливо крикнул, но возразить не решился.

– Остальные трое вроде бы в порядке.

Связанные писцы лежали рядком у переднего колеса повозки. Ферб сидел на оглобле, шаркал по клинку брусом-осёлком, – от этого зловещего звука по спинам пленников бежали мурашки. На козлах, на расстоянии протянутой руки от разбойника лежал арбалет.

Тильт уже понял, что помощи ждать неоткуда. Они находились на огромном пустыре, с трех сторон окруженном покосившимися дощатыми сараями. С четвертой стороны было море. О людях здесь мало что напоминало: останки заброшенных причалов обросли водорослями и зеленой слизью; разбитые лодки, завязшие в песке, походили на полуразложившиеся туши морских зверей. По грязному пляжу разгуливали вороны и чайки, с недовольством посматривая на вторгшихся в их владения чужаков.

Над сараями поднимался город: глухие стены каменных домов, слепые башни бедных храмов, закопченные трубы кузниц и винокурен. Это была старая часть Йельтера; место, которое местные жители называли Тупиком, а чужаки – Помойкой.

Это и была помойка – на пустырь свозили мусор со всего города, а в старых каменных домах селились отбросы.

– Ты обучен грамоте? – спросил страшный человек, присев на корточки перед худым мужичком. – Ты не очень-то похож на писца.

– Он писец, – поспешил ответить Ферб. – Я сам видел, как он писал письмо для какого-то жирного торговца.

– Помолчи, – дернул плечом урод. – Я не тебя спрашиваю... Отвечай, почтенный мастер, – являешься ли ты таковым?

– Я Свут Тонкий из Аммлина, – дрожащим голосом проговорил пленник. – Грамоту я знаю, но не слишком. Умею читать и немного пишу, чужих языков не разумею, стилям разным не научен. Я конюший при харчевне «Золотой Глаз», и грамоту выучил сам. Но в гильдиях не состою, просто хозяин дозволил мне подрабатывать писанием, если я буду отдавать ему один медяк с трех.

Ферб ругнулся, сплюнул.

– Конюший, значит... – Страшный человек косо глянул на разбойника. – Хорошо... А ты кто?.. – Он подвинулся к белообрисому мальчишке, наклонился к нему низко, заглянул в глаза. – Знаешь ли ты грамоту, где учился, хорошо ли пишешь?

У паренька застучали зубы.

– Я... Я... – Он заикался, правая щека его дергалась. – Далька, сын Жарна... Из Дет... Детровиц... От... отец меня отдал... В у... услужение...

– Ты успокойся, Далька... – Человек с изуродованным лицом положил руку пареньку на лоб, провел указательным пальцем по носу, по губам, по подбородку. И, странное дело, мальчишка перестал заикаться. Взгляд его затуманился, а голос окреп.

– Отец отдал меня в услужение к Мелинее, ведьме из Таргооса. У нее я грамоте и обучился. Только ведьма выгнала меня, потому что... Ну... Как бы...

– Не смущайся, говори.

– Я ее снадобья таскал. И продавал знахарю знакомому. Она узнала – и выгнала меня. Потом я у знахаря работал, и там учился. Но он меня тоже выгнал.

– Почему?

– Ну... Как бы... Я тоже... Таскал у него разное. Порошок из тритонов. Плаценты сушеные. Отвар из корней цветка горолома... Разное таскал... И ведьме Мелинее продавал.

Ферб одобрительно хмыкнул.

– Хорошо ли пишешь?

– Я?.. Э-э... – Парнишка замешкался на секунду. – Не слишком хорошо. Совсем скверно. Умел раньше немного, а сейчас совсем разучился.

– А обучен ли арифметике, знаешь ли счет?

– Нет. Считаю на пальцах или палочками, в уме не могу, да и цифр не знаю.

– Врет он, – не выдержал Ферб, лязгнув точильным камнем о сталь клинка. – Точно говорю – врет.

– Врешь? – Жуткие глаза вперились парнишке в лицо.

– Не вру. Как есть говорю – не умею писать, читаю едва, перья только ломаю, а чернила на кляксы перевожу... Отпустите меня, а? Не нужен я вам. Только испорчу, если делать что поручите. Отпустите, дядя...

«Дядя» покачал головой, поднялся, отряхнулся. Заложив руки за спину, подняв лицо к небу, медленно прошелся перед пленниками. Он был одет в причудливого покроя длинное платье, которое больше подошло бы какой-нибудь богатой даме со странностями. Подошли бы даме и украшения, что были на человеке: два перстня, широкий браслет, жемчужное ожерелье. Единственное, что даме следовало бы снять, – это хрустальный череп на золотой цепи.

Череп размером с яблоко. Череп, внутри которого ворочалось и пульсировало, выбрасывая жгуты шупалец, черное маслянистое облачко.

Тильт, не отрываясь, смотрел на амулет. И отчего-то ему вспоминалось недавнее видение.

Бездна, полная горячего тумана.

Тень, глодающая камень, прогрызающая ход наверх.

Уходящие под землю скалы.

Кровь...

– Слишком стар, – сказал страшный человек, остановившись перед стариком-писцом. – Возможно, это настоящий мастер, но он слишком стар... Как тебя зовут?

– Халл из Елеса, – тихо сказал старик, слабыми глазами пытаясь разглядеть лицо вопрошающего.

– Было ли так, почтенный Халл, что ты угадывал неминуемое? Случалось ли тебе видеть картины прошлого и будущего?

– Только однажды, – помедлив, ответил старик. – Когда страшной смертью умер мой сын. Я знал, как это случилось... И еще один раз... Сегодня... Сейчас...

– Ты знаешь, что случится с тобой, не правда ли? Не просто догадываешься. А предчувствуешь. Знаешь.

– Да... – голос старика треснул. – Знаю... – Сиплый шепот был похож на последний вздох умирающего.

– Ты настоящий мастер, – сказал страшный человек и, сложив пальцы шепотью, коснулся ими сперва хрустального черепа, потом губ старого Халла, его горла и щек.

Тильт, скосив глаза и вывернув шею, наблюдал за происходящим. И не он один: Свут Тонкий и Далька, сын Жарна, испуганно смотрели на старика. Они уже видели то, чего пока не замечал Тильт.

Морщины на лице почтенного Халла медленно двигались. Его бурая тонкая кожа словно пыталась сползти с лица.

Старик коротко вскрикнул. И его открывшийся рот вдруг разорвался, разошелся широко. Провалился в глотку язык, похожий на огромного слизня. Смялись десны – будто могучий невидимка раздавил их кулаком.

Ужаснувшийся Тильт отвел взгляд. И заметил, что в глубине хрустального черепа, висящего на груди страшного человека, разгорается алый огонь.

Огонь? Или это светится кровь, невесть как туда попавшая?..

Тошнотворно чавкая, сминалась плоть. Хрустели, лопаясь, кости. Натужно скрипели выворачиваемые сухожилия.

И тихо, чуть слышно, скулили два человека, забрызганные чужой кровью. К ним и наклонился человек с изувеченным лицом.

– Халл был слишком стар, – сказал он Тонкому Свуту, полуграмотному конюшему из харчевни «Золотой Глаз». – У тебя же не достаёт мастерства. – Он тронул хрустальный череп. – Ты нам не нужен. – Он коснулся щепотью губ, горла и щек пленника. Провел ладонью по его вытаращенным глазам. И повторил:

– Ты нам не нужен.

– Я врал! – отчаянно завопил Далька, дергаясь, извиваясь всем телом и пытаясь отползти в сторону. – Я ничего не забыл! Я пишу по-нашему, по-исидски и по-двеннски! Изящно могу, поэтическим или простым стилем! Я стихи сочиняю! О, свет моих очей! Прелестная Аира! Я за твои глаза! Готов отдать полмира! Я учусь хорошо! Я всё могу выучить! Я считать могу даже по-аравейски! Даже множить обучен!

Лицо Свута Тонкого, конюшего из Аммлина, хлюпнув, провалилось внутрь черепа. И обезумевший Далька сорвался на визг:

– Я письмовник наизусть знаю! Мне особые секреты известны! Я могу любой узор скопировать! Виньетку! Любую! Одним росчерком!..

– Хорошо, – сказал страшный человек. Он медленно отвел назад руку и ударил Дальку тыльной стороной ладони. Белобрысая голова дернулась, глаза паренька закатились – он булькнул, дважды дернул связанными ногами и затих. Рассеченную перстнем скулу густо залила кровь.

– А как зовут тебя?

Тильт посмотрел в лишенные век глаза и внутренне содрогнулся. Хрустальный череп покачивался перед его лицом.

– Что ты умеешь? – Узловатые длинные пальцы сложились в щепоть. – Не слишком ли ты молод?

– Мне пятнадцать, – сказал Тильт, надеясь, что голос его дрожит не очень заметно. – Я почти уже три года работаю. В Оллесе работал, в Дареме, в монастыре матери Олы, что близ Гарды, потом в заведении почтенного Вана.

– Что умеешь ты, чего не умеет Далька из Детровиц?

Тильту похвастаться было нечем. Знал он только два языка, родной и исидский – его обычно использовали лекари и колдуны для описания разных снадобий или чар. Учил как-то двеннский алфавит, но так и не доучил. Изящным стилем в полной мере не владел, казался тот ему каким-то безжизненным, а значит не интересным. Памятью особой не отличался, потому не то что письмовника не знал наизусть, но и путался порой, с каким обращением к кому положено обращаться.

Потому Тильт просто сказал:

– Я не пишу дрянных стихов... И не ворую...

Ферб хмыкнул, загнал меч в ножны. Сказал весело:

– Он шустрый малый. Чуть было не сбежал. Из моих узлов выпутался. А прятался так, что и боги бы не отыскали. С саблей на меня бросался, бестолку, правда... Отчаянный.

– Проблемы нам не нужны, – сухо сказал страшный человек. И коснулся хрустального черепа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.